

ФЕНИКС ПОЛУНОЧИ

Дубицкая Надежда | Комаров Илья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Комаров

Феникс полуночи

«Автор»

2026

Комаров И.

Феникс полуночи / И. Комаров — «Автор», 2026

Сто лет назад великая демоница Элион пала в бою, оставив мужа Хоруса — владыку Ада — разбитым призраком, а свою семью — в трауре. Её прах развеян, а время, казалось, остановилось для всех, кто её знал. Но даже смерть не властна над истинной любовью. Возродившись из пепла, как легендарный Феникс, Элион возвращается в мир, который научился жить без неё. Рядом с Хорусом она видит другую женщину — Розалин, ту, кто помогла ему выжить в бездне утраты. Сердце Элион разрывается между ледяной обидой и пламенем былой страсти, но прежней жизни уже не вернуть. Семья вновь обретает мать, но старые раны не заживают. Испытание драконами из иных миров, тени прошлого, которое она не помнит, и появление загадочного Ордена Молчаливой Погибели грозят уничтожить не только хрупкий мир в душе героини, но и саму реальность.

© Комаров И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень воспоминаний.	5
Глава 2. Восставшая из пепла.	10
Глава 3. Камень Света	17
Глава 4. Никого кроме тебя	21
Глава 5. Возвращение домой	30
Глава 6. Разлом	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Надежда Дубицкая, Илья Комаров

Феникс полуночи

Глава 1. Тень воспоминаний.

Элион

"Прошло уже более сотни лет с тех пор, как мама покинула наш мир. Серые будни уступили место повседневной рутине. Я всё так же слежу за порядком на земле, пока Миромир продолжает возводить новый мир — наследие для будущего поколения новой расы архангелов. Бет занял место Люцифера, — дедушка раньше единственным видел его в этой роли. Он же сейчас наслаждается заслуженным отдыхом, словно древний дракон, укрывшийся в пещере. Папа давно живёт по накатанной — напоминание о давно прошедших временах, словно угасший костёр. Он двигался автоматически, без особых чувств.

Бетрезен быстро придумал ему новые дела и приставил помощницу — Розали, прекрасную демоницу, — и, кажется, у них сработалось. Иногда я замечаю в его взгляде тот огонёк, что зажгла мама, словно воспоминание о былой силе и тепле."

Биара остановила запись в дневнике, рука дрогнула на слове "мама". В груди заклокотала боль, всё ещё сжимающая сердце после более чем сотни лет. Время не лечит, оно лишь превращает раны в шрамы — напоминания о тех, кто навсегда остался в прошлом. — Милая, ты снова пишешь свои заметки? Куда же ты их потом? Наследству передашь эти мемуары? — мягко спросил Владимир, незаметно приближаясь к ней. — Почему бы и нет? — улыбнулась она, нежно обнимая его за талию.

— Ты помнишь, что сегодня ужин в замке Бета? — спросил он, находясь в миллиметре от её губ.

— Конечно, — ответила она, легко вдыхая его запах. — Сегодня мы снова обсудим, как пройдут новые испытания в школе магии.

Не сдержавшись, она коснулась его губ, их взгляды переплелись словно две искры, готовые разгореться в пламя. Вечером того же дня зал наполнился звуками оживлённых бесед, рассказами и смехом — семья ангелов и демонов собралась вместе, их голосов было не так-то и мало. Внезапный стук хрусталя, словно звон колокольчика, притянул все взгляды к Люциферу.

— Моя дорогая и любимая семья! — произнёс он, его голос звучал с лёгкой тенью торжества и грусти. — Завтра мы вновь проведём игры школы. Ровно сто лет назад ушла из жизни самая великолепная, сильная и мужественная демоница — мама, жена, — его голос задрожал, когда он взглянул на лицо сына. Вновь эта скорбь накатила, словно волна, несмотря на прошедшие годы.

— Мы сделаем это в её память, ради великой Элион, — тихо произнёс Люцифер, подняв бокал с напитком. Все последовали его примеру, и тишина опустилась на зал, заменённая эхом воспоминаний и печальной того дня.

Здесь, в Древнем Подземном мире, время текло, как густой мёд, тягуче и бесцельно. Воздух пахнет вековой пылью, сыростью камня и чем-то сладковато-горьким — ароматом вечности, застывшей в мгновении. Моя душа, металась в этих бескрайних пещерах, лишенная

формы, но полная неутолимой тоски. Я скучала по солнечному свету на лице Хоруса, по его низкому смеху, по шалостям Биары и по спокойной силе нашего сына.

И тогда я встретила её. Лилит. Она возникла из тени, словно сама тьма обрела совершенную форму. Прекрасная, из чёрного обсидиана, и демоническая в каждом изгибе бровей, в каждом мерцании аметистовых глаз. Её крылья, когда она их проявляла, были подобны ночному небу, усыпанному звёздами. Она была пленницей этого места больше тысячи лет, и её мудрость была отравлена ядом безнадёжности. «Ищешь выход, дитя мимолётных веков?» – её голос был шелестом шёлка по лезвию. – «Выхода нет. Есть лишь эхо». Но я не могла смириться. Я была матерью, женой. Моя воля, подпитываемая любовью, искала трещину в реальности. И я нашла её. Слабый, едва уловимый поток – видения, которые могли прорваться наверх, к старой гадалке из мира смертных. Моя Биара, моя ярая, неукротимая львица, выследит её. Я вложила в видение всё, что смогла: пепел, Пещеру Слез, алтарь, слёзы русалок... надежду. Я наблюдала, как сквозь туманную пелену между мирами. Видела, как Биара, сжав кулаки от ярости, слушала предсказание. Видела, как она отмахивалась, пытаясь заглушить голос интуиции моими же словами. Видела ночь, когда она, проклиная всё на свете, прокралась в наш покой, к тому самому кувшину из чёрного хрусталя, где хранилась горсть моего пепла. Её рука дрогнула, прежде чем взять щепотку. Пещера Слез встретила её тишиной и холодным сиянием сталактитов, похожих на застывшие слёзы. Алтарь в центре был высечен из бледно-голубого камня, а в углублении сверкала лужица чистейшей влаги – легендарные слёзы. Она бросила пепел, добавила несколько капель... и ничего. Лишь тихое шипение. Я почувствовала, как её надежда сменилась горьким разочарованием. «Глупость», – прошептала она и ушла, оставив мою сущность смешанной со священной водой в холодной каменной чаше.

Но как только её шаги затихли, тишина взорвалась. Влага с пеплом выплеснулась на пол и вспыхнула неземным, ярко-синим пламенем. Оно не жгло камень, а издавала некую вибрацию. Из этого сердца пламени я росла, как растёт дерево, как раскрывается цветок. Плоть облекала кость, кожа – плоть. Последним я почувствовала спину, где мощные крылья вырвались на свободу, объятые тем же синим огнём. Я упала на колени, глотая воздух, которого не чувствовала вечность. Одежда, созданная магией для души, обратилась в пепел. Я была обнажена, но пылающее синим пламенем оперение скрывало меня, как мантия. Первой, к кому я могла пойти, была Катарина. Дерзкая, циничная, изгнанная в мир людей бывшая демоница. Её укромный домик на отшибе был ближе всего.

Когда она открыла дверь, в её глазах промелькнула целая буря эмоций. Сначала раздражение на ночного гостя, затем шок, заставивший её отшатнуться так, что она задела дверной косяк. Алые глаза расширились до предела.

– Чёрт... подери... – выдохнула она, не веря своим глазам. – Элион? Это... это какой-то трюк? Проклятие, я трезва!

Она сделала шаг вперёд, её рука старухи непроизвольно потянулась ко мне, но не посмела коснуться синего пламени.

– Ладно, – голос её сорвался. – Допустим, это ты. Где, твоя одежда? Или ты решила устроить шествие в таком... ослепительном виде? Я не могла не улыбнуться её реакции. Типичная Катарина – шок маскирует сарказмом.

– Одежды нет, я только возродилась одолжишь что-то из своей. Пожалуйста. Мне неловко. И я не могу явиться домой такой.

Она фыркнула, исчезла внутри и вернулась, швырнув мне свёрток из чёрной ткани.

– Держи. Но даром ничего не бывает, дорогая. Плата – верни меня обратно. В Ад. В мой настоящий облик. Надоело быть этакой...

Я облачилась в простые, но качественные одежду, чувствуя, как ткань прикасается к новой коже. Крылья, погасшие, но оставившие на плечах синие, как сапфиры, перья, я спрятала под плащом.

– Договорились, – кивнула я.

– Но для этого нам понадобится кое-что из замка. Пробраться в замок Люцифера тайком было игрой на нервах. Каждый знакомый поворот коридора, каждый запах – ладан, старые книги, холодный мрамор – бил в сердце. Мы крались по нижним галереям, ведущим в подземные хранилища. И пока Катарина высматривала стражу, я тонула в воспоминаниях.

*Вот этот зал... Здесь Хорус был рядом со мной, его руки были твёрдыми и уверенными. Вот потертый камень на повороте – маленькая Биара, прячась, царапала его своим маленькими коготками и взрывала всё на пути, играя в прятки. Её звонкий смех эхом отзывался в этих стенах. А там, в нише, наш сын... он любил сидеть там с книгой, серьёзный не по годам, и я тихо подходила, чтобы положить руку на его плечо. *

Грусть и любовь сжали моё горло. Они были так близко. Но я не могла рисковать, появившись без объяснений. Сначала – долг перед той, кто тоже томила в небытии.

Мы нашли сосуд с пеплом Лилит – такой же, как мой. Катарина, ловкая как тень, сняла защитные чары. Моя рука не дрогнула, когда я взяла его. Теперь мы были квиты. Две призрачные тени выскользнули из замка, унося с собой семена второго возвращения. Пещера Слёз снова приняла нас. Ритуал был зеркальным. Пепел Лилит, капли слёз русалок... и на этот раз я направила в него часть своего синего пламени. Реакция была мгновенной и оглушительной. Вместо синего – взвился столб пламени кроваво-красного, адского цвета. Он бился о своды пещеры, и из его сердца родилась Лилит. Она встала, могучая и совершенная, её крылья – как расплавленный рубин в свете факелов, её взгляд – всевидящий и бесконечно усталый. Она вздохнула, и пещера содрогнулась.

Без слов она протянула руку к Катарине. Тотчас облик смертной сгорел, как бумага. Исчезли приглушённые цвета, простая одежда. Пред нами предстала настоящая Катарина – с алыми, как свежая кровь, рогами, кожей оттенка слоновой кости и пронзительным, дерзким взглядом демоницы. Она оскалилась в дикой, торжествующей улыбке, разминая плечи и чувствуя возвращение потерянной силы.

Мы стояли теперь вместе. Три силы, три истории, сплетённые воедино волей и жертвой. Лилит – древняя тьма и непоколебимая мощь. Катарина – необузданный огонь и яростная воля. Я, Элион, – возрождённая надежда и пламя, зажжённое любовью. Мы вышли из Пещеры Слёз навстречу предрассветному небу. Синее, красное и звёздное сияние наших крыльев смешалось в единое сияющее знамя. Мы не просто возвращались домой. Мы возвещали о возвращении. Впереди был замок, семья и новая глава нашей вечной саги. И мы шли к ней, не скрываясь, готовые встретить всё, что уготовила нам судьба. Вместе.

Хорус

Сон. Всего лишь сон. Но он возвращается снова и снова, будто врос корнями в самое нутро моего сознания. И я снова бегу по знакомым до боли коридорам. Солнечные лучи, пронизанные золотистой пылью, падают сквозь высокие стрельчатые окна, а впереди, как живое

эхо счастья, летит она. Элион. Ее белое платье развевается за ней, словно крыло, а смех — чистый, звенящий, как сотни хрустальных колокольчиков — наполняет собой каждый закоулок древних стен. Он отражается от холодного камня, рождая многоголосое эхо радости, которое я ловлю грудью, задыхаясь не от бега, а от щемящего восторга. Этот миг, застывший в янтаре памяти, — сама жизнь, сама любовь.

У стены, в нише, стоит Берта с корзиной свежего белья. Она качает головой, и на лице ее играет тень старческой, деланной строгости. Но уголки ее губ подрагивают, а в глазах — бездонная, тихая радость. Она — часть этого мира, этого счастья; хранительница нашего домашнего очага, всегда готовая вздохнуть и убрать последствия наших безумств, будь то разлитое вино или рассыпанные по ковру лепестки роз.

Эл, обернувшись, бросает на меня взгляд, полный озорства и обещания, и скрывается за тяжелой дубовой дверью нашей комнаты. На мгновение, короткое, как укол булавки, мне кажется, что в ее улыбке мелькнула грусть — странная, нездешняя тень. Но я уже вбегаю вслед, отталкивая дверь плечом...

И мир рушится в абсолютную, оглушающую тишину.

Комната пуста. Наши книги на полках, ее сухие цветы в вазе, солнечный луч на полу — все застыло в мертвом неподвижном свете. И только в центре комнаты, на полу из темного дерева, лежит небольшая, жалкая горстка пепла. Светло-серая, холодная. От нее тянется едва заметная струйка дыма, которая растворяется в воздухе, будто последний вздох.

Что-то во мне ломается с тихим хрустом. Колени подкашиваются сами, и я падаю перед этим холодным прахом, не чувствуя удара. Слезы текут ручьями, горячие и соленые, сжигая лицо. Где-то на краю сознания я знаю: я лежу в реальной постели, на реальной подушке, и под веками — реальная влага. Но просыпаться нельзя. Потому что там, в яви, нет даже этого пепла. Там — лишь пустота. А здесь, хоть и в кошмаре, я рядом с последним, что от нее осталось. Моя надежда — не пламенная и яркая, а тусклая, как этот пепел, но неистребимая, — шепчет из самой глубины души: «Она возродится. Фениксом из пепла. Она должна...»

И сквозь толщу сна, будто из-под воды, доносится голос. Чужой. Женский. Нежный, но настойчивый, прорезающий кошмар, как луч сквозь туман. «Хорус. Проснись. Это лишь сон. Проснись, милый». Розалин.

Этим голосом заканчивается старый мир и начинается новый. После того как пламя поглотило Элион, а вместе с ней и свет вселенной, я впал не просто в депрессию. Я стал ходячей гробницей, автоматом из плоти и костей. Мир потерял цвет, вкус, звук. Я выполнял обязанности, говорил односложно, существовал. И в этой беспросветной пустыне моего бытия появилась она. Сначала — как тихая тень на периферии зрения. Не лезла с утешениями, не пыталась разговаривать. Она просто была. Приносила еду, которую я машинально кушал. Поправляла занавески, когда комната погружалась в крошечную тьму.

Потом, постепенно, капля за каплей, она стала наполнять пустоту. Негромко рассказывала о книгах, которые читала. Однажды принесла ветку цветущей яблони и поставила в вазу на моем столе. Аромат, нежный и живой, стал первым ощущением, которое пробилось сквозь ледяной панцирь. Она учила меня жить заново — не как замену, а как продолжение. Чувствовала малейшую смену моей тоски, моей апатии, и в ответ не давила жалостью, а просто меняла тактику: могла увести в долгую прогулку в молчании или, наоборот, рассказать смешную историю, пока я не замечал, как мои губы сами собой дрогнули в подобии улыбки.

Были моменты, когда в повороте ее головы, в жесте руки мне мерещился призрак Эл. И меня охватывала волна вины — и перед памятью возлюбленной, и перед этой удивительной

женщиной, что отдавала мне свое тепло. Я отчаянно отгонял эти мысли, убеждая себя, что это мой израненный ум ищет привычные черты в новом лице. Она никогда не пыталась быть похожей.

Она была собой — терпеливой, проницательной, невероятно сильной в своей тихой устойчивости.

И вот я открываю глаза. Не в замке из снов, а в нашей спальне, где воздух пахнет не пеплом, а ее духами — легкими, с нотками лаванды и свежескошенной травы. И вижу ее. Розалин. Ее глаза, полные не жалости, а глубокого понимания, смотрят на меня. Она не спрашивает. Она знает. Знает, какой призрак посетил меня этой ночью. На ее губах — нежная, печальная улыбка, и она мягко стирает влагу с моих щек большим пальцем.

Она никогда — ни словом, ни вздохом — не давала понять, что моя вечная, неугасающая любовь к Элион может быть ей неприятна или тяжела. Она приняла эту часть меня, как принимают старую, неизлечимую рану, с которой нужно жить. Она понимала, что мое сердце — не чертог, где одна хозяйка сменила другую, а больше похоже на храм, где в одной капелле вечно горит свеча памяти, а в другой — потихоньку разгорается очаг новой жизни. И за эту бездонную мудрость, за это умение любить, не требуя забыть, я буду благодарен ей до конца своих дней.

Она взяла мою руку, прижала ладонь к своей теплой щеке, и в этом молчаливом жесте было больше исцеления, чем в тысяче слов. Прах из сна все еще холодным пятном лежал на душе, но сквозь него уже пробивалось живое, настоящее тепло ее кожи. Кошмар отступал, отползал в темные углы сознания, побежденный не яростью, а тихим, непобедимым светом настоящего.

Глава 2. Восставшая из пепла.

Хорус

Розалин приходила всегда под утро, когда тени кошмара были еще слишком густы, чтобы рассеяться в одиночестве. Между нашими комнатами лежала не просто пара десятков шагов по ковру — целая пропасть невысказанного, общая для нас обоих. Мы жили в разных покоях, и за годы, прошедшие под одной кровлей, ни единый жест, ни взгляд не нарушили эту негласную границу. У каждого из нас были свои крепости, свои демоны, с которыми мы не готовы были расстаться даже ради утешения в объятиях друг друга. Наша близость была иной — в тишине, в понимании, в молчаливом стоянии на краю одной и той же пропасти.

«Доброе утро, красавица», — выдохнул я, голос еще хриплый от слез и недавнего крика, застрявшего в горле. Я никогда не называл ее «любимой». Это слово навсегда осталось в тех солнечных коридорах, с пеплом на полу. Но я видел, как на миг в ее глазах, цвета лесного омута, вспыхивала и тут же гасилась крошечная, едва уловимая искорка надежды. Она никогда не упрекнула, не надула губ. Лишь улыбнулась — улыбкой, в которой была бездна нежности и легкой, пронзительной грусти.

«Как ты, милый? Снова тот кошмар? — Ее пальцы, прохладные и легкие, провели по моему влажному виску. — Прошло уже столько времени... Но ты не можешь ее отпустить. Я не думаю, что она бы хотела видеть тебя вечным пленником своей памяти».

Она легла, осторожно, как будто боясь расплескать что-то хрупкое внутри меня, и положила голову мне на грудь. Ее темные волосы пахли полынью и ночным ветром. Рука обвила мою ладонь, и ее тепло медленно, неотвратимо растапливало лед, сковавший сердце после сна. Мы лежали так, слушая, как мое бешеное сердцебиение постепенно замедляется, подстраиваясь под ее спокойный, ровный ритм. В этой тишине не было пустоты — она была наполнена ее присутствием, ее безмолвным принятием всей моей боли.

Наконец, я перехватил ее руку, поднес к губам и оставил поцелуй на ее теплой, благоухающей макушке. «Хватит нежиться, командир», — сказал я, пытаюсь вернуть в голос привычные шуточные нотки. — У нас горы дел. Сегодня выпускной в Академии. Нам следует прибыть раньше всех, чтобы последние приготовления не превратились в хаос».

В бытовых вопросах Розалин никогда не спорила со мной. Она мягко направляла, подсказывала, но последнее слово всегда оставляла за мной. Совсем иное дело — работа. Там мы могли сойтись в жарких, почти яростных спорах, кричать до хрипоты, но никогда — без уважения и без обид. Это был танец равных, и он оживлял меня.

«Ты прав, надо собираться, — тихо согласилась она, приподнимаясь. — А вот выпускную церемонию можно было бы и проспать. Сто грамот, сто одинаковых улыбок...» Она лукаво подмигнула и, словно тень, скользнула с кровати, исчезнув в дверном проеме.

Я остался лежать, глядя в резной плафон на потолке. Сон на этот раз был особенно ярким, почти осязаемым. Я чувствовал на ладони тепло камня в коридоре, слышал каждую ноту смеха Эл. И пепел... он казался почти горячим. Странно. Но разум, уже цепляющийся за расписание дня, отмахнулся от предчувствия. Просто сон. Всего лишь сон.

Далекое прошлое. Кабинет в северном крыле замка.

Кабинет, пропитанный запахом старого пергамента, магических кристаллов и холодной, нечеловеческой силы. Бетрезен, мой сын, сидел за массивным дубовым столом. Годы не оста-

вили на его лице ни морщинки, но они наложили отпечаток иного рода: он стал монолитом, скалой. От него исходила аура такой сконцентрированной, бездонной мощи, что даже воздух вокруг казался гуще и темнее.

А Розалин... здесь, в его присутствии, она была другой. Вся ее мягкость, вся нежность испарялись, обнажая стальной хребет. Ее поза была небрежна, но в каждой мышце чувствовалась готовность к прыжку. Взгляд, обычно теплый и понимающий, стал цепким и жестким, как взгляд хищника, высчитывающего слабость жертвы. Улыбка не несла тепла — это был оскал, обнажавший острые, почти неестественно белые зубы. Ее голос, тихий и мелодичный со мной, здесь звучал ровно, мертвенно-спокойно и пронзительно ясно, прорезая тишину кабинета.

«Так, я все правильно поняла? — спросила она, не отрывая ледяного взгляда от Бетрезена. — Ты хочешь, чтобы я... сблизилась с твоим отцом? Вытащила его из той трясины скорби, в которую не смогли вытянуть вы все, его родная кровь?»

Бетрезен не дрогнул. Ее демонстрация силы не пугала его — он видел ее суть. «Именно. Твои способности эмпата и манипулятора тончайших вибраций души идеальны для этого. Ты найдешь ключ к его запертому сознанию. Остальные... да, мы потерпели поражение. Его боль — крепость, к которой у нас нет осадных орудий. У тебя они есть. Я не буду учить тебя ремеслу. Ты знаешь его лучше меня».

Она резко встала, и платье, казалось, не шелохнулось, такое движение было стремительным и точным. Подойдя к самому краю стола, она наклонилась, вонзая взгляд в его непроницаемое лицо. «А зачем мне это? Что я получу взамен? Мои услуги такого рода всегда имеют высокую цену».

Бетрезен слегка откинулся в кресле, его пальцы сложились в шпиль. «Ты получишь свободу от старых обязательств. И часть власти над Северными пределами, которые отец забросил. Полноценный титул, земли, влияние. Если, конечно, добьешься своего. Если он снова начнет жить, а не существовать. И будет счастлив. Хотя бы отчасти».

В глубине ее холодных глаз сверкнула искра — азарта, жадности, предвкушения игры. Но лицо осталось каменной маской. «Что ж, — протянула она, выпрямляясь. — Так уж и быть. Вытащу я твоего папашу из его склепа. Но потом, Бетрезен, будь добр, отдай обещанное. До последней йоты».

И она вышла, не производя ни звука, оставив после себя лишь легкий, горьковатый запах полыни.

Розалин часто вспоминала тот разговор, и тогда по ее лицу расплывалась странная, сложная улыбка. Все изменилось, когда она стала «работать» со мной. Сначала это была задача, головоломка, способ получить вожаемую награду. Но чем глубже она проникала в лабиринт моей тоски, чем больше снимала слой за слоем окаменевшей боли, тем сильнее сама запутывалась в нем. Она влюбилась. В мою тихую ярость, в незаживающую верность, в те редкие, искренние улыбки, которые пробивались, как первые ростки сквозь мерзлую землю. Власть и земли померкли. Ей было хорошо со мной. В нашей тишине, в наших спорах, в утренних ритуалах после кошмаров. Хотя порой, когда я в полусне звал «Эл», или, когда мои глаза заволакивало туманом далекого воспоминания, ее охватывала острая, шемящая грусть. Но она верила, глупо, упрямо, по-женски. Верила, что когда-нибудь в моем сердце найдется место не только для светлого призрака прошлого, но и для живой, настоящей любви к ней.

Наше время. День выпускного.

Мы летели очень высоко и когда вышли из-под облаков под нами показалась — школа магии и боевых искусств. Уже с воздуха была видна лихорадочная активность: крошечные фигурки сутились во дворе, развешивая гирлянды, устанавливая скамьи, торопливо доставляя какие-то ящики к праздничным павильонам.

Прощавшись — я сжал ее руку на секунду дольше обычного, — мы разбежались по своим делам. Я — к ректору на последнее совещание, она — проверять готовность магических иллюминаций.

День промчался в водовороте. И вот наступил кульминационный момент: стройные ряды выпускников в парадных мантиях цвета ночи с серебряными вышитыми созвездиями. Я вручал грамоты, пожимая руки. Одни руки были влажными от волнения, другие — твердыми и уверенными. И все это время я чувствовал на себе ее взгляд. Она стояла чуть в стороне, среди преподавателей, и когда мои слова начинали казаться мне самому сухими и казенными, я ловил ее глаза. И она, почти незаметно, кивала, или поправляла прядь волос — наш тайный знак: «Все хорошо. Ты справляешься». Эта незримая нить поддержки была прочнее стали.

Вечером, когда последние поздравления были сказаны и в небе вспыхнули первые огни фейерверков, мы стояли на балконе, наблюдая за праздником. Завтра — бои на Большой арене. Традиция в честь выпуска, где лучшие из лучших могут показать, чему научились не только в теории. Многие подали заявки. Мы, как старшие наставники, обязаны были присутствовать. Но для меня это было больше, чем обязанность. Арена... с нее связано многое.

Там я впервые увидел Элион, сражающуюся с изящной, смертоносной грацией. Арена была местом, где прошлое и настоящее странным образом сплетались воедино, и завтрашний день сулил не просто зрелище. Он витал в воздухе, пахнущем порохом, озоном и тревожным, сладким предвкушением.

Элион.

Полная решимости, я бросила взгляд на Катарину и Лилит и шагнула вперед, к краю обрыва. Крылья, всё ещё хранящие тепло синего пламени, сами понесли меня вперед. Я знала — сегодня был тот самый день. Годовщина. День, когда меня не стало.

Когда мы бесшумно приземлились у края огромной учебной арены, никто и не заметил. Все взгляды были прикованы к песчаному кругу, где шёл решающий поединок. Воздух гудел от возбуждения.

— Эл, ты уверена, что это подходящий момент? Явиться перед всеми именно сейчас? — Катарина схватила меня за локоть, её голос звучал сдержанно-тревожно.

— По-моему, это идеальный момент, — парировала Лилит, и её губы тронула едва заметная улыбка. Она опередила нас, бесстрашно ступая в гущу толпы, которая расступалась перед её неоспоримым величием, даже не понимая почему.

Мы прошли сквозь море учеников как нож сквозь масло и оказались у барьера арены ровно в тот миг, когда глашатай занёс руку, чтобы объявить победителя. Не думая, на одном порыве, я перемахнула через ограждение и вышла на песок. Шаги были лёгкими, почти танцующими. Я взяла из рук ошеломлённого судьи массивный кубок и, повернувшись к изумлённому победителю-полу демону, подняла его высоко.

— Поздравляю! Сегодня тебе выпала честь получить награду из моих рук! — мой голос, громкий и чистый, раскатился под сводами, заглушая последние выкрики.

Сначала я услышала, как толпа ахнула. Потом наступила та самая, звенящая тишина, когда кажется, что мир затаил дыхание. И только тогда я подняла глаза на главную трибуну. И, конечно же, сразу нашла его. Только его.

Хорус

Он сидел, откинувшись на спинку трона, и его лицо было маской чистого, абсолютного шока. Его взгляд, острый как лезвие, ударил в меня, и я почувствовала, как старое пламя в груди вспыхнуло в ответ. Но затем мой взгляд скользнул вбок. На девушку с острыми чертами лица, которая сидела рядом и крепко, слишком крепко держала его руку в своих. Медленно, неотвратно, как холодная вода, заполняющая лёгкие, до меня стало доходить. После меня у него началась новая жизнь. Внутри каждая клеточка моего тела онемела, будто покрывалась инеем. Пылающий взгляд сменился ледяным безразличием, которое я тут же надела как доспехи.

Тишину взорвал рёв толпы, когда на арену за мной вышли Катарина и Лилит. Такого выражения на лице Люцифера я не видела никогда. Глаза его полыхали не гневом, а чем-то сокрушённым и яростным одновременно. Он резко встал, и чёрные крылья, распахнувшись, на мгновение затмили трибуну. Следующее мгновение — и он уже стоял перед нами на песке, подняв облако золотистой пыли.

— Это совершенно не смешно, — его слова были тихими, но они резали воздух, как отточенная сталь. — Устраивать на играх такие розыгрыши. Кто бы ты ни была, не стоит играть с моими чувствами.

— Я думаю, нам стоит поздравить победителя и выяснять отношения в замке, а не перед учениками, — спокойно и властно вступила Лилит. *Как же мудро*, — пронеслось у меня в голове.

Наградив смущённого юношу под прицелом тысяч глаз, мы покинули арену. Толпа расходилась нехотя, все взгляды были прикованы к нашему уходу. Краем глаза я заметила, как Розали хотела что-то сказать, но затем, собрав свои крылья, поспешно растворилась в толпе. Я не была готова к этому. Здравый смысл где-то глубоко внутри кричал, что я мертва, что у него есть право двигаться дальше. Но сердце... сердце молчало, скованное льдом.

Оказавшись в до боли знакомой гостиной замка Люцифера, наша троица молча заняла места за огромным дубовым столом. За этим столом когда-то собиралась наша семья. Теперь он казался огромным и пустым.

В зал ворвался Люцифер. Его глаза пылали, а пальцы нервно сжимались в кулаки. Следом, запыхавшись, вбежали Биара, Бетрезен и Миромир, его лицо было непроницаемой маской.

— А теперь, — голос Люцифера был низким рыком, — я хочу услышать ваше оправдание. И увидеть ваши настоящие облики.

— У меня есть объяснение, — начала я, заставляя свой голос звучать ровно. — Когда меня убили, моя душа попала в Древний Подземный мир. Там я встретила Лилит. Она уверяла, что выхода нет. Но я нашла его. Связавшись через гадалку, я передала послание Биаре: взять мой прах и отнести в Пещеру Слёз. Так я возродилась. И так же мы возродили Лилит.

— Да, именно так всё и было, — ёрничающее подтвердила Катарина. — Ко мне пришла голенькая, а потом мы стащили прах из вашего подземелья. Весело было.

Лицо Люцифера не смягчилось. Напротив, оно стало ещё мрачнее.

— Хотите сказать, что вы — настоящая, возродившаяся, и передо мной моя жена? — он сделал шаг вперёд, и воздух затрепетал от его силы. — Вы думаете, я не пытался? Все эти годы, все эти столетия я искал способ вернуть её! Мне придётся уничтожить вас за оскорбление над её памятью.

По сигналу из тени выдвинулись стражи. Но вперёд шагнула Биара.

— Подожди, бабушка! — её голос дрогнул. — Это... это правда. Я брала прах мамы. Относила в пещеру. Я думала, это бред, но... она правда передавала мне это предсказание.

Люцифер медленно повернулся к ней, и в его глазах мелькнуло что-то, кроме ярости — недоумение, проблеск надежды.

— Я знаю, как проверить, — строго сказал Миромир. — Если это правда, и Катарина, моя мать, и Лилит - моя бабушка, то Камень Света в Раю покажет их истинные воспоминания.

— Я что-то упустила? У нас есть внуки? И мы *дружим* с Раем? — Лилит подняла бровь, ошеломлённо оглядывая семью.

— Это хорошее решение», — сказала я, поднимаясь со стула. Моё спокойствие было обманчивым. Внутри всё замерло.

Все двинулись к выходу. Распахнув массивные двери, мы увидели на пороге Хоруса. Он замер, оценивая неожиданное собрание.

— О, тебе ещё очень многое предстоит узнать, бабушка Лилит, — язвительно бросила Катарина, проходя мимо.

— Вот и твой сын, который настроил детишек, — не унималась она.

Все прошли мимо него, не объясняя ничего. Лишь Миромир на мгновение задержался. Дождавшись, когда все отойдут вглубь двора и расправят крылья для полёта в Рай, он обернулся к отцу.

— Биара получила предсказание, — тихо, но чётко начал он. — Если смешать прах мамы со слезами русалки в Пещере Слёз — она возродится. Она это сделала. Потом они с Катариной украли прах Лилит и возродили её. А теперь мы летим в Рай. Камень Света покажет правду.

Он развернулся и шагнул в пустоту, следуя за нами, оставив Хоруса одного переваривать услышанное под холодным адским небом.

Илья:

Конец боя оглушил арену, но тишины не наступило — ее вытеснил рокот толпы, выплескивавшей накопившееся напряжение. Воздух дрожал от криков, свиста, звона монет. Победитель стоял в центре, подняв руки, и, казалось, впитывал эту волну обожания, каждую каплю торжества. Именно в этот миг появились они.

Сперва я увидел лишь силуэты на краю поля, и сердце сжалось внезапной, дикой судорогой — будто незримая рука вцепилась в него и вывернула наизнанку. Потом взгляд сфокусировался. Первой была... Элион. Нет, не может быть. Это была её точная копия — каждый изгиб губ, каждая прядь тех самых пепельных волос, развевающихся на сквозняке, пронизывающем арену. Но здравый смысл, холодный и острый, как лезвие, вонзился в мозг: Она мертва. Это морок. Чья-то жестокая, бесчеловечная шутка. Гнев, мгновенный и белый, закипел у меня в горле. Кто бы это ни сделал — он за это заплатит. Стоящей рядом была Катарина — и снова та же невозможность, тот же разрыв между глазами и разумом. А третья... Третья женщина, высокая и статная, со взглядом ледяной власти, была мне незнакома. Но по тому, как замер и побледнел отец, по мгновенной вспышке немого ужаса и узнавания в его глазах, я понял — он знает её.

Они двинулись через арену, и их шаги, казалось, поглощали весь звук. Толпа затихла волной, нарастающей от их эпицентра, пока не воцарилась полная, гнетущая тишина. И тогда раздался голос. Её голос. Такой родной, такой звонкий, что каждый нерв в моем теле отозвался ноющей болью воспоминаний. Даже зная, что это обман, я не мог не восхититься мастерством иллюзиониста. Такого уровня сила... она была пугающей.

Розалин всё это время молча сжимала мою руку. Её пальцы были холодны, а хватка — так крепка, что мои кости ныли. Она знала Элион в лицо — видела портреты, слышала истории. Я чувствовал, как её собственное дыхание стало поверхностным, прерывистым от шока. Когда было объявлено о собрании в замке, она не повернула головы, лишь её шёпот, едва различимый, коснулся моего уха: «Иди. Тебе нужно быть там. Разберись во всём. Поговорим потом». Её пальцы разжались, и прежде чем я успел ответить, она растворилась в расступающейся толпе, будто призрак.

Внутри замка, в высоком каминном зале, пахнушем дымом и старой магией, я проверил их всеми доступными способами. Тихое заклинание на рассеивание иллюзий, взгляд сквозь магический фокус, который я всегда носил с собой, даже осторожный тест на отклик души — всё давало один и тот же невозможный результат. Это не было наваждением. Плоть, кровь, дух — всё было настоящим. Мир перевернулся с ног на голову.

И тогда история, которую они рассказали, обрушилась на меня лавиной. Возрождение Элион из пепла памяти... и матери. Лилит. Имя, которое в детстве было лишь шепотом, запретной темой. Теперь передо мной стояла она — воплощение холодной, расчетливой силы. Демоница, чья властная аура почти физически ощущалась в воздухе, стояла рядом с отцом, и в их молчаливом противостоянии читались годы боли, измен и сложных союзов. Интересно, что она думает о его нынешней жизни? О нас?

Но все мысли крутились вокруг одной точки — Элион. Она жива. Моя Элион, моя потеря, моя вина — жива. Но когда мой взгляд наконец встретился с её, я не увидел в её глазах ни тепла, ни облегчения, ни той любви, что я помнил. Её взгляд был холодным, цепким, расчетливым — взглядом стратега, оценивающего фигуру на доске. Она посмотрела на меня всего один раз, ещё там, на арене, и этого было достаточно. В том взгляде я прочел всё: она видела

меня с Розалин. Видела и сделала выводы. Ледяная тревога сковала грудь. Я хотел крикнуть, объяснить, но слова застряли в горле. Она поймет, безнадежно пытался убедить я себя. Мы всё обсудим. Найдем выход.

Последние слова Миромира прошли мимо меня, утонув в буре собственных мыслей и отчаянных внутренних диалогов. Я очнулся лишь от порыва ветра и вспышки света — все уже улетало к Камню Света в Рай. Сердце бешено заколотилось, гоня по жилам адреналин. Нужно было догнать их. Сейчас. Это не мог быть сон.

Собрав волю в кулак, я ринулся вслед, оставляя за собой тишину опустевшего зала, в надежде, что всё это — правда, а не кошмар.

Глава 3. Камень Света

Элион

Мы прилетели в Рай. Мой первый Рай, тот самый, что встретил меня однажды и навсегда. Главный город — Александрия. Он сиял перед нами, словно диковинная жемчужина, выточенная из мрамора и солнечного света. Башни и купола, ослепительно-белые, были оплетены золотом и самоцветами, отражавшими каждый лучик. Улицы неспешно пересекали спокойные, сияющие сущности, а воздух был густым от запаха вечноцветущих садов — смесь персика, ладана и чего-то неуловимо-сладкого. После сумрачного величия Ада эта бело-золотая легкость резала глаза. Она была прекрасной и чужой.

Нас провели не вверх, к сияющим залам, а вниз, в святая святых — подземелье Храма Истины. Зал, в который мы вошли, был огромным, круглым и... светлым. Казалось, сам камень здесь излучал мягкий, рассеянный свет. В самом центре на постаменте из хрусталя лежал Камень Света. Он не просто светился — он *пульсировал* ровным, тёплым сиянием, будто живое, спящее сердце этого места. От него по мраморному полу расходились серебристые прожилки, напоминавшие корни или реки на карте.

— Каждая из вас должна по очереди коснуться камня, — голос Мирамира звучал торжественно и строго в этой тихой зале. — Если вы говорите правду, мы увидим ваши истинные воспоминания, проецируемые им. Обман он покарает молчанием или искажением.

Первой, не дожидаясь, вышла Катарина. Она фыркнула, но без прежней бравлады. Её пальцы с алыми когтями легли на гладкую поверхность. Камень вздохнул, и из него вырвался сноп искр, превратившихся в подвижные картины. Мы видели, как она, ещё юная и ярая, сражается плечом к плечу с Хорусом против орды мятежных тварей; как она, скривившись от неловкости, но с поразительной нежностью качает маленького Михаила. Она медленно убрала руку, молча отошла назад, избегая взглядов. Камень светился ровно. Правда.

Второй шагнула Лилит. Без тени сомнения, с грацией древней хищницы, она приложила ладонь. Искры взвились фонтаном, и зал наполнился эпическими и личными видениями: Лилит в доспехах из черного огня, сражающаяся рядом с Люцифером в битвах, которые стали легендой; та же Лилит, но уже без доспехов, уставшая и невероятно мягкая, впервые держащая на руках крошечного Хоруса, её пальцы нежно касаются его маленького рожка. Она сняла руку, развернулась и пошла прямо на Люцифера, который стоял, будто высеченный из камня.

— Раньше ты узнавал меня, стоило только слышать мои шаги в коридоре, — прошептала она, почти касаясь его губ, и провела прохладными пальцами по его мускулистому предплечью. В её взгляде была нежность и тысячелетняя тоска.

Теперь была моя очередь. Ноги стали ватными. Я медленно шла к камню, и единственное, о чем я могла думать — это страх. Не страх лжи, а страх обнажения. Воспоминаний было так много, таких личных, таких болезненно-счастливых, что я не хотела выставлять их на всеобщее обозрение. Ладони вспотели, пальцы предательски дрожали. Я оглянулась, встретившись взглядом с ним. Он стоял позади всех, и его взгляд прожигал меня насквозь — в нем уже не было ярости, только мучительная, невыносимая надежда. Не в силах выдержать это, я резко приложила ладонь к камню.

Зал взорвался светом.

Не искрами, а целыми, яркими вспышками-воспоминаниями, которые падали вокруг меня, как лепестки. Вот наша с Хорусом свадьба: я в платье, он смотрит на меня так, словно выиграл войну. Вот наша первая встреча на земле, когда мы оба притворялись людьми: его смущённая улыбка и моё внезапно ёкнувшее сердце. А вот я, уже после рождения детей, сижу на широком подоконнике нашей комнаты в замке Люцифера, и просто смотрю в окно, чувствуя абсолютный, глухой покой. Счастье.

Я видела, как взгляд Хоруса метнулся к этим видениям, как его гордое, непоколебимое лицо дрогнуло, а в глазах, этих вечно пылающих углях, выступила влага. Я не успела отнять руку — меня просто смела в объятия Биара.

— Я верила... Я всегда знала, что это ты! — она рыдала, вжимаясь в меня, её крылья дрожали.

— Это тебе спасибо, что не испугалась и поверила гадалке, — шептала я, обнимая её и глядя по волосам, сама, едва сдерживая слёзы. — Я больше никогда не брошу вас.

Миромир, потеряв всю свою строгость, обнял нас сбоку, а следом и Бетрезен. Мы стояли, сплетаясь в единый клубок боли, надежды и любви.

— Так-так, милые мои, мы погрязли в сантиментах, — властно прозвучал голос Лилит. Она аккуратно, но решительно вытащила меня из объятий. — Мне нужно это всё переварить и вообще разобраться, что к чему. Я верну вам вашу маму позже. Катарина, ты идешь с нами. — Взяв её за руку, Лилит повела нас к выходу, бросая через плечо: — Ох, эти светлые штучки. Надеюсь, тот адский бар у Чертополоха ещё не закрыт. Девочки, марш в Ад! Мне тут душно.

Я улыбнулась её напускной бодрости, но внутри с ней полностью соглашалась. Это *надо* было переварить. И отметить.

Но внутри меня шла своя, тихая и жестокая война.

*Он любит тебя. Смотри, что с ним стало. *

*Он должен был научиться жить без тебя. Ты была мертва. *

*Кто эта... сука рядом с ним? *

*Ей пиздец. *

*Нет! Ты не тронешь её. Ты не станешь этим. Ты вернулась не для этого. *

— Эл, ты с нами? — окликнула меня Катарина, ловко подставляя под руку стакан с чем-то мутным и шипящим. Она вытаскивала меня из внутреннего диалога.

— Да, конечно, — ответила я, и опрокинула шот. Огонь прошёлся по горлу, временно заткнув всех внутренних демонов. По крайней мере, я на это надеялась.

Хорус

Подземелья Храма Истины встретили нас вечным холодом и тишиной, нарушаемой лишь эхом шагов по древнему камню. Воздух был густым и тяжёлым, словно пропитанным самим понятием правды — той, от которой не спрятаться. Я шёл, напряжённый до предела, каждый мускул был готов к броску, разум метался между безумной надеждой и леденящим страхом разоблачения. Хотелось верить — больше, чем когда-либо, — но пока её истинная природа была скрыта от меня.

И вот Элион подошла к Камню Истины. Магический кристалл, сердцевина мироздания, замерцал изнутри холодным, без оценочным светом. Я затаил дыхание, ожидая, что сейчас иллюзия распадётся, обнажив чужое, враждебное существо. Но свет лишь мягко омыл её фигуру, подчеркнув знакомые черты, и.. ничего не изменилось. Она осталась собой — той же и снаружи, и, что было важнее, внутри. Это была не маска. Это была она.

В тот момент что-то во мне надломилось и освободилось одновременно. Наши дети, не выдержав напряжения, бросились к ней, облепили, обнимая, смеясь и плача одновременно. Их искренность была самым убедительным доказательством. А я стоял как вкопанный, парализованный смешанным чувством невероятного облегчения и нового, острого страха. Боялся пошевелиться, спугнуть этот хрупкий миг возвращения. Боялся ещё больше того, что сделает она. Помнил её единственный, ледяной взгляд на арене. С тех пор, как ни старался, мне не удавалось поймать её глаза снова — она методично отводила взгляд, будто я стал для неё частью безликой толпы.

Собрав всю волю, я сделал шаг в её сторону, потом ещё один, сердце колотясь где-то в горле. Но Лилит, моя мать, та самая властная демоница из забытых воспоминаний, оказалась быстрее. Она положила руку на плечо Элион, что-то коротко сказала, и, не оглядываясь, они обе взмыли вверх, растворяясь в туннеле, ведущем напрямик в Ад. Моя рука бессильно опустилась. Я лишь смотрел им вслед, чувствуя, как внутри, под грузом страха и неопределённости, разгорается иное пламя — пламя жизни, надежды и навязчивой мысли: Она вернулась. Мы сможем поговорить. Всё исправить.

Тёплые руки обняли меня сбоку. Это была Биара. Она прижалась щекой к моему плечу, и в её голосе звучало раскаяние. «Прости, что не сказала о ритуале. Я не думала, что он срывается... но, как видишь, получилось. Ты... не рад?»

Я повернулся к ней, и на мгновение мне показалось, что всё нахлынувшее — потрясение, боль, безумная радость — вот-вот вырвется наружу. «Я безумно рад, что она вернулась, — выдавил я, и голос мой прозвучал хрипло. — Только... она меня словно не видит. Или не хочет видеть. На арене она видела меня с Розалин. После этого её взгляд стал... другим. Ледяным».

Биара мягко потянула меня к грубой каменной скамье, села рядом и взяла мою руку в свои, сжимая тёплыми ладонями. «Она только что вернулась из небытия, отец. Ей нужно время, чтобы отойти, всё осмыслить. Она поймёт тебя. Потом вам нужно будет просто поговорить. Всё будет хорошо. Просто дай ей время».

Её слова, спокойные и разумные, дошли до меня сквозь хаос. Я кивнул, чувствуя, как спадает первая острая паника. «Да, дочка, ты права. Я буду ждать. Но теперь... теперь нужно что-то решать с Розалин. Я не хочу её ранить». Сама эта мысль вызывала тягостное чувство вины.

Взгляд Биары стал печальным, пронизательным. «Тебе всё равно придётся сделать кому-то больно, отец. И выбрать».

К нам приблизились шаги. Бетрезен стоял рядом, его обычно насмешливый взгляд был непривычно серьёзен. «Отец, мне тоже есть что сказать насчёт Розалин. Думаю, это станет подспорьем в твоём решении». Он сделал паузу, будто взвешивая слова. «В общем... Розалин

неспроста начала сближаться с тобой. Это я её нанял. Пообещал власть и несколько наделов на дальних рубежах наших земель, если она... выполнит задачу. А задачей было вытащить тебя из той трясины отчаяния, в которую ты погрузился после смерти мамы».

Воздух словно вырвали у меня из лёгких. Это было, как удар под дых. Её чувства, её поддержка, эти тихие вечера и понимающие взгляды — всё казалось таким настоящим. «Я.. не верю, что она всё это время играла», — пробормотал я, больше для самого себя. С ней тоже предстоял тяжёлый, болезненный разговор.

«Я услышал вас обоих», — сказал я, поднимаясь. Голос звучал устало, но твёрдо. — Теперь мне нужно побыть одному. Всё обдумать. А потом... поговорить и с Розалин, и с.. матерью».

Я уже развернулся, собираясь уйти, когда взгляд упал на Люцифера. Он стоял в стороне, прислонившись к стене, и его царственная осанка не могла скрыть глубокой, всепоглощающей растерянности. Шок в его глазах был не меньшим, чем в моих. Я подошёл к нему, понизив голос. «Как думаешь, они настоящие? Или это всё же очень могущественная магия, и кто-то пытается нас обмануть? Только вот... для чего?»

Он медленно повернул голову, и в его взгляде читалась тяжесть тысячелетий. «Нет, это не обман. Они настоящие. Камень... его невозможно обмануть. Он старше иллюзий, старше лжи. Он — основа мира. Любая магия рассыпалась бы перед ним прахом. Теперь... теперь всё изменится». Его взгляд стал острым, тревожным. «Лилит... она из древних времён. Её мировоззрение, её подходы... далеки от доброжелательных к людям и ангелам. Боюсь представить, что она может устроить. И, как ты уже понял, она твоя мать».

Я кивнул. Вернулись два самых родных человека, и ни один из них не удосужился обратиться на меня внимание. «Понял тебя, отец. Будем ждать, пока они... нагуляются. А потом будем говорить».

Больше не в силах оставаться среди этих стен, давящих правдой и последствиями, я вышел из Храма и взмыл в прохладные небеса Рая. Ветер бил в лицо, но не приносил облегчения. Впереди был тяжёлый разговор с Розалин. И от мысли о нём сжималось сердце. Это будет не просто сложно. Это будет подобно рассечению живого тела — грубому, болезненному и неизбежному.

Глава 4. Никого кроме тебя

Элион

Я не помнила, как мы вернулись. Память заканчивалась на третьем шоте, поданным демоном-барменом с тремя глазами, и на голосе Лилит, рассказывающей какую-то невероятную историю про дракона и барную стойку. Утро наступило резко и безжалостно — в привычной спальне.

В нашей с Хорусом спальне.

Ничего не изменилось. Суровые каменные стены, смягчённые тяжёлыми тёмными гобеленами. Массивная дубовая кровать, в которой я провела столько ночей. Чёрное шёлковое бельё, на котором даже складки казались знакомыми. И запах. Он всё ещё витал в воздухе — тёплый, пряный, смесь дыма, старого пергамента и чего-то неуловимого, что было сутью Хоруса. Этот запах ударил по мне сильнее любого удара. Я зажмурилась, пытаюсь отдышаться.

Спустившись вниз, я застала за столом в главном зале идиллическую, если не знать их истории, картину. Лилит что-то оживлённо и насмешливо рассказывала, размахивая вилкой, а Люцифер слушал, облокотившись на спинку стула. В его глазах, обычно непроницаемых, светилась та самая, заинтересованная искра, которую я не видела веками. Кажется, эта парочка действительно снова нашла друг друга.

Я постучала костяшками пальцев о дверной косяк и, получив кивок, заняла свободное место. Служанка молча поставила передо мной чашку крепкого кофе и тарелку. Я машинально поблагодарила, не в силах оторвать взгляд от этой странной гармонии.

— Давно так не веселилась, — с лёгкой хрипотцой заявила Лилит, отпивая из своего бокала.

— Не расслабляйся, — парировал Люцифер, но в его голосе не было привычной стальнойности. — Мне ещё нужно проверить твои боевые навыки после стольких лет в заточении. Не забыла ли ты?

Он встал и с церемонной, почти забытой галантностью протянул ей руку, приглашая на тренировочную арену. Лилит усмехнулась, слегка чмокнула его в щёку — жест поразительно нежный и привычный — и вышла, не оглядываясь.

Люцифер последовал за ней, но на мгновение задержался у моего стула. Его тень упала на меня, холодная и знакомая. Он не смотрел в мою сторону, его взгляд был устремлён вслед уходящей Лилит, но слова были обращены ко мне, тихие и не допускающие возражений:

— Тебе бы поговорить с Хорусом.

И он ушёл, оставив эти три слова витать в воздухе, тяжелее свинца. Они повисли надо мной, лишая аппетита. Он был прав. И это было ужасно. Я не знала, откуда взять силы, чтобы полететь в *наш* замок. Боялась не столько встречи с ним, сколько того, что могу увидеть

там *её* — среди наших с ним вещей, в наших с ним пространствах. Сама мысль заставляла сердце сжиматься ледяным комом.

*Думаю, нам нужно поговорить, * — связалась я мысленно, не давая себе передумать.
*Жду тебя в замке Люцифера. *

Я лишь успела дойти до своей — *нашей* — комнаты и опуститься на своё любимое место на широком подоконнике, обхватив колени. Здесь я любила сидеть, когда он задерживался. Отсюда был виден вход во двор.

И вот, в дверях, залитый светом из коридора, возник его силуэт. Он не вошёл сразу, замер на пороге, будто давая мне — или себе — последний шанс остановить это. Сердце в груди забилося с такой силой, что, казалось, его отголоски должны быть слышны по всему замку.

Хорус

Полёт в разреженных высотах стал своего рода болезненной аскезы. Я поднимался всё выше, пока белоснежные клубы не сменились тонкой ледяной дымкой, а затем и вовсе остался один в ослепительно синей, почти чёрной пустоте. Холод впивался в кожу острыми иглами, конденсат дыхания мгновенно замерзал на ресницах и волосах, покрывая их хрустальным инеем. Воздуха не хватало, лёгкие горели от каждой попытки вдохнуть, а сердце колотилось, протестуя против высоты и внутреннего напряжения. И в этой ледяной, безмолвной попытке, когда тело кричало о боли, а разум замирал, мысли наконец улеглись, выстроившись в жёсткую, неумолимую линию. Я понял, что мне делать. Я был готов к разговору. По крайней мере, мне так казалось.

Она ждала меня в моём кабинете в Академии. В часы, свободные от занятий, огромное здание становилось царством тишины, где каждый скрип половицы отдавался эхом в пустых коридорах. Розалин сидела в кресле у потухшего камина, её фигура казалась хрупкой и съжившейся. Когда я вошёл, она подняла на меня взгляд — и в нём я прочитал всё: ту же готовность, тот же страх, ту же бездну предстоящей боли, которую чувствовал сам. Не говоря ни слова, я подошёл и сел напротив, не на свой привычный трон за массивным столом, а на краешек кожаного пуфика рядом. Тишина между нами была густой, почти осязаемой.

«Бетрезен рассказал мне, — начал я, и мой голос прозвучал глухо в тишине кабинета, — что ты выполняла его поручение. И что это была... прежде всего, работа».

Её будто дёрнуло током. Плечи вздрогнули, а лицо на миг исказила гримаса, в которой смешалось всё: испуг, жгучий стыд и уже знакомая мне боль. Она не стала отрицать, лишь опустила голову, уставившись в свои сплетённые пальцы.

«Да, это так, — её голос был тихим, приглушённым, лишённым привычных тёплых оттенков, будто из него вынули душу. — Он нанял меня. И сначала... да, это была только работа. Чёткий контракт. Но потом...» Она замолчала, сглотнув ком в горле. «Потом я поняла, что это уже не просто задание. Что у меня к тебе возникают чувства. И я старалась уже не «работать», не давить... а просто быть рядом. Поддерживать. Даже когда видела, что в твоих глазах только она. Твоя Элион. Что ты не любишь меня и, возможно, никогда не полюбишь».

Она вдруг подняла голову, и её глаза, блестящие от непролитых слёз, впились в меня с такой силой, что мне захотелось отступить.

«Я полюбила тебя, Хорус. И сейчас мне нужно услышать только одно. Скажи честно. Ты... испытывал ко мне хоть что-то? Хоть каплю, крупицу настоящих чувств? Или в твоём сердце для меня места не было никогда?»

В её взгляде была такая обнажённая ранимость, такая мольба о правде — пусть даже жестокой, — что моё собственное сердце сжалось в тисках. Внутри бушевал хаос: благодарность, жалость, вина, остатки привязанности, которые я сам не мог определить, и всё это — на фоне нестерпимой, всепоглощающей радости возвращения Элион.

«Я... — мой голос предательски дрогнул. — Мне очень сложно сказать, как именно я к тебе отношусь, Розалин. Да, я не мог разлюбить Элион. Никогда. Но и ты... ты для меня не чужая. Естественно, я испытываю к тебе чувства. Привязанность. Благодарность. Но если искать точное слово... это скорее, как к сестре. К очень близкому, дорогому человеку, с которым делил боль. Но не больше. Я не могу быть с тобой. Ты должна понять.»

Я видел, как от моих слов тускнеет свет в её глазах, но продолжал, стараясь говорить, как можно мягче: «Ты замечательная, Розалин. И всё, что обещал Бетрезен, — твоё по праву. Оно стало твоим уже давно. Просто, пожалуйста... не держи на меня зла.»

Она шмыгнула носом, смахнула ладонью предательскую слезу и попыталась улыбнуться. Получилась кривая, печальная гримаса. «Спасибо... что сказал мне это. Всю правду. Надо было поговорить раньше. Расставить все точки. Я... я переживу. Не бойся, всё будет хорошо. Это была моя ошибка. Мои иллюзии. Ты тут ни при чём.»

Она вдруг поднялась, стремительно закрыла расстояние между нами и, прежде чем я опомнился, её губы коснулись моих. Это был не поцелуй страсти, а поцелуй прощания — короткий, лёгкий и бесконечно горький.

«Прощай, мой Хорус, — прошептала она, уже отходя. — Хотя... уже не мой.»

Дверь за ней тихо закрылась. Я остался сидеть в опустевшем кабинете, чувствуя, как внутри воцаряется ледяная, гулкая пустота. Разговор, к которому я так готовился, кончился. Но облегчения не принёс, лишь оставил после себя тяжёлый осадок и усталость. А впереди был ещё один. И он обещал быть в тысячу раз труднее.

Прошло полчаса. Полчаса, за которые я пытался собрать себя по кусочкам, снова облекаясь в подобие спокойствия. Путь к покоям Элион в нашем старом крыле замка я проделал как в тумане. Каждый шаг по знакомому коридору, освещённому мягким светом магических сфер, отдавался гулким эхом в груди.

И вот я увидел её. Силуэт, отточенный и знакомый до боли, выделялся на фоне огромного арочного окна, за которым простирались вечерние небеса Ада. Она стояла, прислонившись к стеклу, и смотрела вдаль. При виде её ноги мгновенно стали ватными, в ушах зазвенело. Но сила воли, закалённая сегодняшними испытаниями, снова пришла на помощь. Я сделал шаг. Потом другой. Заставил себя идти вперёд, навстречу самому важному и страшному разговору в своей жизни.

Элион

Когда Хорус вошёл, мир сузился до размеров дверного проема. Моё сердце, глупый, необузданный предатель, заколотилось в груди так бешено, что, казалось, готово было вырвать ребра и броситься ему навстречу. Вся моя плоть, каждая клетка, помнящая его прикосновения, кричала одним желанием — сорваться с места, броситься к нему, вцепиться в него, раствориться в долгом, бесконечном поцелуе, забыв обо всём: о смерти, о годах разлуки, о той другой, чей запах незримо витал в воздухе.

Но на деле я не сделала ни шага. Я лишь медленно повернулась к нему лицом, всё ещё сидя на подоконнике. Потом, будто преодолевая невидимое сопротивление, спустилась на каменный пол. Босые ноги почувствовали холод.

Опираясь ладонью о прохладный камень, я оттолкнулась от подоконника и сделала первый шаг — не к нему, а прочь, к массивной дубовой кровати. Дистанция между нами была необходима как воздух. Каждый шаг отдавался эхом в звенящей тишине комнаты.

— Надеюсь, теперь ты удостоверился, что я настоящая, — мой голос прозвучал ровно и холодно, как ледник. — И мне больше не придётся ничего доказывать.

Я остановилась у края кровати, не садясь, всё ещё глядя в пространство перед собой, а не на него.

— Рано или поздно мы должны были поговорить. О нас. — Я наконец позволила себе сесть, ощутив под собой шёлк простыней, которые пахли им. Это было пыткой. — Я не виню тебя. Ты должен был жить дальше. Так и должно быть.

Внутри чей-то натянутый до предела голос беззвучно выкрикивал мантру, заклинание, щит: *Не позволяй чувствам взять верх. Не смей плакать. Не смей показывать боль. Он больше не твой. Он больше не твой. Он больше не твой. *

Каждое слово, сказанное вслух, обжигало горло пеплом. Я старалась, чтобы в тоне не дрогнула ни одна нота, чтобы лицо оставалось спокойной, бесстрастной маской. Это была самая трудная битва в моей жизни — и я была обязана её выиграть, даже если проиграю всё, что осталось от моего сердца.

Хорус

Дверь в спальню отворилась беззвучно, пропуская меня в пространство, где время, казалось, остановилось много лет назад. Воздух был тем же — с легким ароматом лаванды и старого дерева, но теперь его пронизывала чужая, ледяная аура. И глаза Элион... Встретив ее взгляд, я почувствовал себя сбитым с толку, словно мальчишка на первом свидании и седой воин перед решающей битвой одновременно.

Безумный, животный порыв рванул меня вперед — схватить, прижать к груди, ощутить тепло ее кожи, убедиться в реальности каждой клеточки. Мои руки сами потянулись к ней. Но едва я сделал первый шаг, она отступила. Плавно, без резкости, но с абсолютной, неоспоримой четкостью. Ее молчаливое движение было яснее любых слов. Внутри что-то гулко и

окончательно рухнуло, оставив после себя острую, режущую пустоту. Боль, горячая и горькая, подкатила к горлу, но я вобрал ее в себя, сжал челюсти, заставил лицо остаться всего лишь усталым, а не искаженным мукой.

Я остановился, будто наткнувшись на невидимую стену, и медленно, чтобы скрыть дрожь в ногах, опустился в глубокое кресло у камина. Повернулся к окну, в бескрайний багровый пейзаж Ада, лишь краем глаза отмечая ее силуэт у противоположной стены.

«Прости, – начал я, и мой голос прозвучал непривычно хрипло в тишине комнаты. – В это... в это было невозможно поверить. Что ты настоящая. Думаю, на моем месте ты бы тоже сомневалась». Я сделал паузу, собираясь с мыслями, ощущая каждое слово перед тем, как выпустить его в пространство между нами. «Разговор нам необходим. Наверное, ты хотела узнать, кто была рядом со мной на арене».

Я не смотрел на нее прямо, боясь, что прямой взгляд спугнет, словно дикую птицу, и хрупкая нить этого диалога оборвется. Но я чувствовал ее внимание – тяжелое, выжидающее.

«Ее зовут Розалин. Она... работала на Бетрезена. Он дал ей задание – вывести меня из состояния, в котором я был. Это мягко сказано. Я был... пустой оболочкой. И ей это удалось. За это время...» Я тщательно подбирал выражения, желая быть кристально честным, но не жестоким. «Между нами ничего не было. Ничего, кроме благодарности с моей стороны и... выполнения долга с ее. Перед тем как прийти к тебе, мы поговорили. Все точки над *i* расставлены. Мы поняли друг друга».

И вот тогда я рискнул. Медленно повернул голову в ее сторону, но не встретился глазами, а устремил взгляд куда-то в пространство рядом с ней.

«Мои чувства к тебе... – голос на мгновение дрогнул, и я снова обрел контроль. – Они не умерли в тот день. Они... замерли. Как река подо льдом. И так и остались. Ничто их не тронуло. Ничто не изменилось».

Тишина, следовавшая за моими словами, была густой и звенящей. Я замер, боясь пошевелинуться, всем существом вслушиваясь в эту тишину, пытаюсь уловить в ней хоть какой-то отклик, хоть тень понимания в ее безмолвной, отстраненной фигуре.

Элион

Тишина после его слов была оглушительной. Внутри меня всё перевернулось, рухнуло и взорвалось одновременно. Ледяная скорлупа, которую я так старательно выстраивала, треснула с тихим, невыносимым звоном. *Он всё ещё любит меня. * Эта мысль, простая и всеоключающая, пробила оборону насквозь. Это не было надеждой — это было знанием, таким же острым и реальным, как клинок у горла. И оно разом смело страх, боль и ложную холодность.

Сердце, которое секунду назад било тревогу, теперь забило в новом, лихорадочном ритме. Я поднялась с кровати. Шаги по холодному камню были беззвучными. Я подошла к нему сзади, туда, где его плечи были напряжены, а крылья — чуть подрагивали, выдавая не меньшую внутреннюю бурю, чем моя.

Я остановилась так близко, что тепло его тела касалось моей груди. Мое дыхание, тёплое и прерывистое, коснулось края его уха, заставив мелкие мурашки пробежать по его коже.

— Так что... — мой голос стал низким, чуть хриплым, полным той самой дерзости, которую он знал и любил. На губах появилась та самая, хитрая, чуть кривая улыбка. — Ты хочешь сказать, что больше ста лет... ни с кем? Совсем?

Я произнесла это не как упрёк, а как шепот сокровенной тайны, как вызов, в котором смешались нежность, насмешка и щемящее облегчение. В этих словах не было холода. В них было пламя, внезапно раздувшееся из тлеющих углей.

Хорус

Моё сердце, только что сжавшееся в ледяной ком, вдруг совершило резкий, трепещущий прыжок, когда Элион сделала шаг вперёд. Я не двинулся с места, затаив дыхание, превратившись в статую, боясь спугнуть этот невероятный момент. Она приближалась медленно, будто преодолевая невидимое поле сопротивления, и её взгляд скользил по моему лицу, фигуре, рукам — будто она заново изучала карту хорошо знакомой, но давно забытой страны. Вчитывалась в новые морщины у глаз, в следы усталости на лбу, в ту печать одиночества, что легла на мои черты за годы разлуки.

Она остановилась так близко, что между нами оставалось всего лишь дыхание. Я чувствовал исходящее от неё тепло, смешанное с новой, непривычной силой — она была не просто возрождённой, она была... усиленной. Сила от неё исходила почти физически, тихим, сдержанным гулом, как от заряженного магического кристалла. В ней изменилось что-то фундаментальное, но это «что-то», к моей мучительной радости, явно не касалось её физического присутствия здесь и сейчас. Дикое, первобытное желание протянуть руки, прикоснуться, вцепиться, чтобы убедиться, обожгло меня изнутри. Я сжал пальцы так, что ногти впились в ладони, пересиливая себя с усилием, сравнимым с удержанием падающей скалы.

И тогда она заговорила. Её вопрос, прямой и дерзкий, застал меня врасплох, и я почувствовал, как по щекам разливается предательский жар. Но её голос... в нём звучали знакомые нотки — лёгкое, почти неуловимое заигрывание, приправленное едва уловимой насмешкой. Не обидной, нет. Это была та самая, старая насмешка — её фирменный способ скрыть настоящий, глубокий интерес, маскировать уязвимость под маской дерзости. Узнав этот тон, что-то во мне дрогнуло и оттаяло.

«Да, — ответил я, и мой голос прозвучал тише, чем я планировал, почти шёпотом, полным искренности. — У меня никого не было. Кроме тебя. И за всё это время... я не был ни с кем. В постели или вне её».

Облегчение от сказанной вслух правды придало мне смелости. Очень медленно, давая ей время отстраниться, я повернулся к ней лицом. Потом, будто движимые собственной волей, мои руки поднялись и опустились на её талию. Она была такой же тонкой, но под ладонями я чувствовал не хрупкость, а упругую, готовую к движению силу, стальную нить, затянутую в бархат. Прикосновение к ней било в мозг током, и мир сузился до точек соприкосновения моих ладоней с тканью её платья, под которой угадывалось тепло тела.

Безумное, всепоглощающее желание наклониться, подхватить её и повалить на широкую кровать, что молчаливо ждала в тени комнаты, едва не снесло все преграды. Я знал её тело, знал, как оно отзовется, помнил каждый звук и каждый вздох. Но я знал и другое — что сейчас это было бы ошибкой. Между нами лежала пропасть лет, боли и невысказанных вопросов. Слишком рано. Это был мост из паутины, а не из камня.

Я даже не решался поцеловать её. Боялся, что один нахальный поцелуй разрушит эту хрупкую, невероятную идиллию — тишину, в которой только наше дыхание, мои руки на её талии и её изучающий взгляд, наконец, смягчившийся на грани узнавания. Я просто стоял, утопая в её близости, пытаясь запечатлеть этот миг в памяти навсегда, позволяя надежде, тихой и робкой, снова пустить корни в моей разбитой груди.

Элион

Его голос – этот тихий, сорванный шёпот, прозвучал как самый честный гимн, который я слышала за всю свою жизнь. «Ни с кем». Эти слова обезоружили меня сильнее любой битвы. Дерзкая маска, которую я натянула, вдруг стала невыносимо тяжёлой. Я почувствовала, как дрожь, которую я сдерживала всем телом, наконец вырвалась наружу – лёгкая, почти невидимая, но он, с его руками на моей талии, наверняка её уловил.

Когда его ладони легли на меня, мир перевернулся. Тепло от них пронзило ткань, жгучую волну, от которой перехватило дыхание. Это было знакомое тепло, но и новое одновременно – теперь в нём чувствовалась та же сдержанная, зрелая мощь, что и в нём самом. Я зажмурилась на секунду, позволяя этому ощущению затопить меня, смывая последние осколки льда.

Я увидела борьбу в его глазах – ту самую, что бушевала во мне секунду назад. Дикое, неистовое желание, готовое смести всё на своём пути, и поверх него – мучительная, почти невыносимая осторожность. Он боялся спугнуть этот миг. И в этой его боязни было больше любви, чем в любом стремительном движении.

Я не стала ждать его решения. Не позволила страху взять верх ни в нём, ни во мне.

Очень медленно, следя за его реакцией, я подняла свои руки. Одну положила поверх его руки на моём боку, ощущая под пальцами твёрдые суставы и знакомый рельеф шрамов. Другую – подняла к его лицу. Кончики пальцев дрогнули, прежде чем коснуться его щеки, провести по резкой линии скулы, нащупать пульс у виска. Это был не жест нежности. Это был акт подтверждения. Изучения. Возвращения.

— Сто лет, — прошептала я, и мой голос больше не был холодным или дерзким. Он был просто уставшим, израненным и бесконечно облегчённым. — Это... невыносимо долго. Для нас обоих.

Я позволила большому пальцу коснуться его нижней губы. Лёгкое, едва заметное движение.

— Ты думал, я не чувствую? — продолжила я, почти беззвучно. — Это желание... оно висит в воздухе, как гроза перед бурей. Я тоже... — голос сорвался. Признаться, в этом вслух было страшнее, чем выйти на арену. — Я тоже всё помню.

Но я не стала наклоняться для поцелуя. Не стала рушить этот хрупкий мост, который он так боялся повредить. Вместо этого я сделала шаг вперёд, сократив и без того крошечное расстояние между нами до нуля. Прижалась лбом к его плечу, вдохнула его запах – старый и вечно новый.

«— Мы не будем торопиться», — сказала я в складки его одежды, и это была не просьба, а обещание. Себе и ему. — У нас... теперь, кажется, есть время. Но эти сто лет одиночества... мы заслужили право просто постоять так. Хотя бы минуту.

И я стояла. Дышала им. Позволяла его рукам держать меня, а своим рукам – держаться за него. Это был не шаг назад. Это была передышка.

- что ты сказал ей, чтобы вот так держать меня? А ещё я хочу знать всё что упустила - тихо говорила я.

Хорус

Быть рядом с ней было парадоксальным блаженством — невыразимо родным и в то же время пронзительно чужим. Её присутствие всё ещё казалось тончайшим мороком, который вот-вот дрогнет и рассыплется под утренним светом. Я говорил тихо, почти шёпотом, боясь нарушить хрупкое равновесие, установившееся между нами.

«Этот разговор с Розалин... он был тяжёлым, — начал я, глядя куда-то в пространство над её плечом. — Она всё поняла с первого же мгновения, как только ты появилась на арене. В её взгляде не было вопроса, лишь... принятие. Полюбить она успела даже такого, как я — больше похожего на ходячий призрак, чем на живого человека. И мне пришлось сказать ей всё напрямую. Что мои чувства к тебе... они не тлели. Они горели всё это время, не угасая ни на миг. Думаю, она и сама это знала. Но услышать это вслух — оказалось больнее, чем просто осознавать».

Я сделал паузу, собираясь с мыслями, чувствуя горечь этого воспоминания.

«Мне её искренне жаль. Она замечательная. И я не смог дать ей ничего взамен».

В комнате повисла тишина, наполненная отзвуками прошлого. Я смотрел в окно на багровые отблески Ада, прежде чем продолжить.

«За всё время, пока тебя не было... по большому счёту, мало что изменилось. Мир вертелся, но я в нём не участвовал. Бетрезен принял титул и обязанности Люцифера, а он... отец ушёл, наконец, на тот покой, который заслужил. Я же... большую часть этого срока просто существовал. Прожил как в густом тумане. Так что вряд ли смогу рассказать что-то полезное. Лучше спроси у наших детей. Особенно у Биары. Она... выстроила целую империю информации, сеть агентов, что пронизывает все миры. Она знает всё».

Я замолчал, исчерпав слова. Неопределённость висела в воздухе. Что дальше? Что можно сделать после такого разговора?

Тогда, не в силах сдержаться, я просто выдохнул и притянул её к себе. Это объятие не было ни требовательным, ни страстным. Оно было белым флагом, пристанищем, молчаливым криком о том, что она — дома. Я чувствовал, как её тело на мгновение замерло, а затем,

кажется, чуть-чуть расслабилось. Мы стояли так, не двигаясь, и время потеряло смысл. Могло пройти и пять минут, и целый час.

В конце концов, я нашёл в себе силы ослабить хватку. Отодвинул её от себя ровно настолько, чтобы увидеть её лицо. Взгляд скользнул по её чертам, ища ответа, но не находя его. Я позволил себе слабую, почти неуверенную улыбку.

«Сладких снов, киса, — прошептал я, и старое ласковое слово обожгло мне губы, будто я прикоснулся к чему-то священному после долгого запрета. — Увидимся завтра».

Не позволив себе оглянуться, я вышел, мягко закрыв за собой дверь. Каждый шаг по холодному коридору отдавался в груди болезненным эхом. Чем дальше я уходил, тем сильнее тянуло развернуться, ворваться обратно и отменить это прощание. Но я знал — это было бы ошибкой. Слишком рано. Здравый смысл, холодный и трезвый, боролся с бушующим внутри хаосом чувств.

Мы теперь никуда не денемся друг от друга, — подумал я, пытаюсь успокоить себя. — Если только она, конечно, снова не вяжется в какую-нибудь немыслимую авантюру.

И тут же, уже мысленно, парировал сам себе:

А если и вяжется... что ж, вытащим. Снова.

Эта простая, почти дерзкая мысль внезапно показалась целительной. На моих губах, наконец, родилась не вымученная, а настоящая, лёгкая улыбка. Собрав волю в кулак, я оттолкнулся от каменного балкона и взмыл в вечернее небо, оставляя позади башню с её самым ценным сокровищем, и направился к нашему — нет, уже, наверное, снова нашему — замку.

Глава 5. Возвращение домой

Элион

Я ждала. Вся моя сущность, каждый нерв, затаив дыхание, ждали того самого движения — наклона головы, лёгкого давления его губ на мои. В этом ожидании замерло всё: и боль, и годы разлуки, и холодная ярость. Но шаг так и не был сделан. Его слова и.. его *киса*. Это слово, такое нежное обожгло меня изнутри, будто капля адской смолы упала на открытую рану.

Только я собралась с духом, чтобы сказать: «Летим домой», чтобы попросить, чтобы потребовать — чтобы залезть ему на руки, как делала это тысячу раз, и снова почувствовать, как мир сужается до крепости его объятий и свиста ветра в его крыльях... он отстранился. Резко. Без слов. Он просто разжал руки, повернулся и вышел, притворив за собой дверь с тихим, но окончательным щелчком. У меня не осталось даже воздуха, чтобы выкрикнуть ему вслед.

Пропасть. Она всё ещё зияла между нами. Не физическая, а из обид, невысказанного и этих проклятых ста лет, которые он прожил без меня, но с каким-то... *багажом*. Я медленно опустилась на подоконник, поджав ноги, и смотрела, как его тёмный силуэт растворяется в багровых сумерках над Адом. Сердце ныло тупой, знакомой болью.

— Не спишь? — дверь распахнулась без стука, и в комнату ворвались Катарина и Лилит, будто принося с собой шум и энергию внешнего мира.

Я молчала, не отводя взгляда от пустого неба.

— Кажется, разговор вышел так себе, — констатировала Катарина, плюхнувшись на край моей кровати. — Да и пусть живёт с той, коли такой дурак, что упустил такую птичку. Ещё будет кусать локти.

— Ничего не могу сказать, — голос Лилит звучал отстранённо-аналитично, словно она изучала тактику боя. — Всю сознательную жизнь его упустила. Но если он хоть каплю похож на своего отца... проверь. Он не упустит того, что считает своим. Просто его методы теперь могут быть... иными.

— Ладно, хватит глазеть в пустоту, — Катарина встала и щёлкнула пальцами перед моим лицом. — Мы за тобой. Собирайся. Тебе нужно обкатать новую силу, а Лилит обещала кое-что показать. Арена ждёт.

Я подчинилась механически, натянув лёгкую, но прочную кожаную броню для тренировок, и в полной тишине мы отправились на знакомую учебную арену. Ночной воздух был прохладен, а песок под ногами холодным.

Арена, освещённая магическими шарами, была пуста. Лилит вышла на середину, её огненно-красные крылья в темноте казались живыми углями.

«— Не думай», — сказала она просто. — Дай ей волю. Сила внутри тебя — не просто украшение.

Наша битва не была яростной. Она была... Обычной. Лилит атаковала не клинками, а сгустками первозданной, тёмной энергии, которые рвали пространство с тихим шипением. Я парировала, и мои синие крылья, реагируя на инстинкт, выбросили встречную волну холодного, сапфирового пламени. Оно не жгло, а поглощало, рассеивало её атаки с лёгким звоном, будто бьют по хрусталу. Мы метались по арене, две кометы — кровавая и синяя, оставляя за собой следы искр и дрожащий воздух. Я открыла в себе новую грацию: тело двигалось быстрее мысли, крылья были не просто придатками, а вторыми парами рук, посылающими удары и парирующими. В этом танце-бою на мгновение забылась вся боль.

Затем Лилит отскочила, создав дистанцию.

— Довольно. А теперь — трюк, который есть только у нас. Не просто сила огня. Его суть. Его душа.

Она закрыла глаза. И начала меняться. Её демонический облик поплыл, словно мираж в зное. Крылья втянулись, тело сжалось, обвилось клубящимся алым пламенем. И через мгновение на её месте вспорхнула птица. Не просто птица, а воплощение легенды. Феникс. Огромный, величественный, с перьями из живого пламени и глазами, полными древней мудрости. Он парил в воздухе, излучая благоговейный ужас и тепло.

— Твоя очередь, — прозвучал её голос прямо в моём сознании. — Ищи не демона. Ищи феникса в себе. Того, что возродился.

Я вдохнула, выдохнула, отогнав все мысли о Хорусе, о боли, о прошлом. Я сосредоточилась на ядре внутри — на том синем пламени, что выжгло меня из пепла. Я не сжимала его, а *отпустила*. Позволила ему охватить себя целиком.

Ощущение было не из приятных. Кости сжимались и меняли форму, крылья растворялись в энергии, плоть перетекала, подчиняясь новой воле. Мир сузился до ослепительного синего сияния. И когда я снова обрела чувство формы, я была... легче. Свободнее.

Я взмахнула крыльями, огромными, сияющими опахалами из голубого и кобальтового пламени. Я была фениксом. Синим фениксом. Моё тело излучало не жар, а пронзительный, чистый холод огня, и каждый взмах крыла оставлял в воздухе мерцающий шлейф, похожий на след падающей звезды. Я взмыла в ночное небо над ареной, и оно озарилось призрачным синим сиянием.

*Сын, эти три девицы устроили тут в ночи целое светопреставление. Пол Ада собралось у арены глазеть. Заберёшь, может, свою, пока она не ослепила всех насмерть? * — в пространстве прозвучал сухой, полный скрытой усмешки мысленный посыл Люцифера, адресованный Хорусу.

А я, описывая сияющие круги в небе, чувствовала, как впервые за этот бесконечный день что-то внутри, кроме боли, начинает петь.

Хорус

Едва я переступил порог своих покоев, намереваясь уткнуться в подушки и заглушить вином вихрь сегодняшних событий, как в сознании, подобно ледяному лезвию, прорезался

голос Люцифера. Не слова, а чистый импульс тревоги, срочности, опасности. Все усталость как рукой сняло. Я развернулся и, не выбирая двери, вылетел в огромное арочное окно, которое тут же разбилось вдребезги от ударной волны.

Уже издали, подлетая к арене, стало ясно — тишины не будет. Над местом, где несколько часов назад решалась судьба поединка, теперь бушевал огненный вихрь. Воздух гудел от криков, восхищённых и испуганных, а по периметру, словно мошара у костра, кишела толпа зевак. Их лица, освещённые снизу багровым и синим заревом, были искажены восторгом и ужасом.

Приблизившись, я замер. На арене не было битвы. Там был танец. Два феникса, величинной с боевого грифона, описывали в воздухе немыслимые пируэты. Один полыхал холодным, кобальтово-синим пламенем, от которого трескался камень арены. Второй — густым, бардовым, почти чёрным огнём, что, казалось, впитывал в себя сам свет. Они не атаковали, а скорее учили друг друга, демонстрируя головокружительные трюки: петли, свечи, падение с переворотом в последний миг. Это было гипнотизирующе прекрасно и смертельно опасно.

Я так увлёкся наблюдением, что не заметил, как рядом со мной возникло тонкое, знакомое присутствие, пахнущее ночными цветами и холодной сталью. Катарина. Она парила в воздухе с той же лёгкостью, что и всегда, её красота была безупречной и отточенной, как клинок. Зная моё нынешнее состояние, она даже не пыталась заигрывать — её язвительность была куда острее.

«А ты, кажется, сбежал к своей... мышке? — начала она, и в её бархатном голосе звенела ядовитая игла. — И где же она? Неужели побоялась гнева твоей Элион?»

Внутри меня взорвалась слепая, яростная волна. Как она смеет? Как смеет касаться её, насмехаться над её чувствами, над той болью, что я только что причинил? Снова хочется заточить её в ту самую бездну, откуда её вернули! Гнев был таким густым, что перехватило дыхание.

Но когда я заговорил, мой голос был спокоен, тих и холоден, как межзвёздный вакуум. Я даже не повернул к ней головы, продолжая следить за фениксами.

«Это не твоё дело, Катарина. Не лезь. И не пытайся меня провоцировать — ничего не выйдет. Про меня думай и говори что угодно. Но, — я наконец повернул к ней лицо, и, должно быть, взгляд мой был ледяным, потому что она едва заметно отпрянула, — не вздумай больше трогать Розалин. Ни словом, ни намёком. Поняла?»

Моя холодная, без эмоциональная угроза подействовала лучше крика. Её надменная улыбка дрогнула, сменившись на мгновение оценкой рисков. Поняв, что вывести меня из равновесия не удалось, она лишь изыщно пожала плечами.

««Я тебя поняла», — произнесла она уже без ехидства, с деловой холодностью. — Вы взрослые, сами разберётесь».

И растворилась в темноте, как ночной кошмар.

Я снова сосредоточился на арене. И тут до меня дошло — это не просто игра. Феникс с бардовым пламенем, тот, что был почти чёрным, — это была Элион. И её огонь рвался из-под контроля, становился хаотичным, рваным. Каждый её вираж оставлял в воздухе шлейф нестабильной энергии, грозившей детонацией. Лилит, уже принявшая свой истинный, пугающий и величественный облик демоницы с крыльями из тени и пламени, пыталась создать сдерживающее поле, но её собственные силы будто скользили по неистовой мощи, не в силах её обуздать.

Медлить было нельзя. Я ринулся вперёд, проигнорировав предостерегающий крик отца, и завис в воздухе прямо напротив бушующего феникса-Элион. Жара была столько, что воздух передо мной колыбался, искривляя реальность. Наши взгляды встретились. В её огромных, полыхающих глазах не было осознания — лишь паника дикого зверя, попавшего в капкан собственной силы.

Я опустил все щиты и мысленно, как когда-то давно, когда учил её первым заклинаниям, послал чёткий, спокойный импульс: «Моя Эл. Ты стала невероятно сильной. Но, как всегда, опережаешь саму себя. Вспомни. Вспомни всё, чему я тебя учил. Дыхание. Фокус. Ты не раб этой силы, ты её хозяйка. Моя девочка, ты справишься. Я с тобой.»

Я был так близко, что мой плащ начал тлеть по краям, а затем и вовсе вспыхнул. Кожа под одеждой заняла от чудовищного жара, но фениксы не могли спалить того, кто носил их благословение в самой крови. Я стоял неподвижно, островок спокойствия в эпицентре огненного шторма, не отрывая от неё взгляда.

И случилось чудо. Бешеный ритм её полёта начал замедляться. Неистовые всплески пламени стали ровнее, гуще, подконтрольнее. Через минуту, что показалась вечностью, огненный вихрь с хлопнул, и на опалённый песок арены, окутанная стелющимся дымом, опустилась Элион в человеческом облике. Она шатнулась, едва коснувшись ногами земли.

Я был рядом в мгновение ока, подхватив её на руки прежде, чем она рухнула. Она была невесомой и обжигающе горячей, как уголёк.

«Ты, как всегда, не рассчитала со своим размахом, — прошептал я, и в моём голосе звучала не упрёк, а бесконечное облегчение и гордость. — Вот что я чувствовал в тебе... Силу феникса. Ты не перестаёшь меня удивлять.»

Она слабо открыла глаза, её взгляд был мутным от истощения, но в нём уже читалось осознание. Это был решающий момент. Затаив дыхание, я спросил то, что было важнее всего:

«Ну что, полетели домой?»

Вопрос повис в воздухе, наполненный дымом и тишиной, наступившей после бури. Я ждал, каждое мгновение ожидания отдаваясь в висках глухим стуком, боясь почувствовать в её теле новое напряжение, отпор. Но его не было.

Элион

Сила феникса переполняла меня. Это был не поток — это был океан чистой, первозданной энергии, яростный и восторженный одновременно. Он рвался из каждой поры, грозясь разорвать изнутри, сжечь ту самую форму, которую только что создала. Я не могла совладать с ним, я тонула в этом ослепительном, синем вихре.

И тогда он появился.

Словно якорь, брошенный в самый центр шторма. Хорус ворвался в моё поле зрения, не как спасение, а как *точка отсчёта*. Я инстинктивно потянулась к нему, к этому единственному знакомому контуру в мире, сметающем все границы. И он поймал. Не спас — поймал. Его руки, сильные и уверенные, обхватили меня, пока я ещё была больше энергией, чем плотью, и прижали к груди. И это прикосновение стало заклинанием. Дикий огонь внутри встретился с другой силой — не подавляющей, а направляющей. С его силой. И отступил, успокоился, сжавшись обратно в раскалённое ядро у меня в груди.

Я обмякла, ощутив вес собственного тела, шероховатость его одежды под щекой, стук его сердца. Я снова была собой. Демонессой с синими крыльями, дрожащей в его объятиях.

Только тогда я услышала его вопрос. Простой. Прямой. Выбивающий всё остальное из головы.

Я подняла на него взгляд. Мои руки, всё ещё излучающие остаточное тепло, сами потянулись к его лицу. Я обхватила его скулы ладонями, вглядываясь так близко, что видела каждую ресницу, каждый отблеск в его тёмных глазах. Мой взгляд метался, не в силах задержаться на чём-то одном: на его губах, которые только что произнесли эти слова, на глазах, в которых я читала ту же бурю — надежды, страха, желания.

— Только если ты ждёшь меня там, — прошептала я в ответ. Это был не отказ. Это была проверка. Последний барьер, который мне нужно было услышать, как он рухнет. Я задала вопросом на вопрос, вложив в эти слова всю свою неуверенность, всю боль от его ухода и всю дикую, безумную надежду, что теперь всё может быть иначе.

Её тихий вопрос повис в воздухе не вызовом, а приглашением. Молчаливым доверием, которое она вручала мне, позволяя сделать этот выбор. Я не стал ничего отвечать. Просто крепче прижал её к себе, чувствуя, как её тело, всё ещё источающее остаточное тепло феникса, безвольно обмякло в моих руках. Затем я толкнулся от земли, и мы взмыли в прохладный ночной воздух, оставляя позади затихающий гул арены и бледнеющие огни.

Хорус

Ветер свистел в ушах, но я наклонился к её виску, и мои слова были тише шелеста крыльев, предназначены только для неё:

«Я ждал тебя там. Все эти годы. Каждое утро, просыпаясь в холодной постели, и каждый вечер, засыпая в тишине. Я помнил, как ты ворочалась во сне, как ты сидела на том широком подоконнике, обняв колени и глядя вдаль. Не было ни одного дня, чтобы я не вспомнил твой смех, твой взгляд, твоё присутствие. В нашей комнате... жил только я. И тень от тебя».

Мы влетели в покои через балкон, и я не стал зажигать свет. Лунные лучи, пробивавшиеся сквозь витраж, выхватывали из тьмы знакомые очертания: спинку кровати, зеркало, её старый туалетный столик, покрытый тонким слоем пыли. Я медленно опустился с ней в большое кресло у камина, и мы замерли, как одна уставшая, сплетённая скульптура. Она была такой лёгкой и одновременно такой невероятно, всепоглощающе реальной в моих руках. Я гладил её спину через тонкую ткань платья, медленно, гипнотически, чувствуя под ладонью лопатки, позвонки. Никаких слов. Они были бы грубы, ненужны. Мы понимали всё — усталость, боль, чудо, страх и эту неуклюжую, хрупкую надежду.

Но день, насыщенный до предела бурей эмоций и событий, брал своё. Веки наливались свинцом, тело требовало забытья. И тут до меня дошла простая, бытовая деталь: мы оба были покрыты пеплом, пылью арены и запахом дыма. Лечь в постель в таком виде было бы кощунством против памяти чистых простыней и против Берты, нашей старой, ворчливой эльфийки-служанки, которая держала этот замок в идеальном порядке все эти годы.

«Милая, нам надо сполоснуться, — прошептал я, касаясь губами её волос. — Иначе мы устроим в постели песчаную бурю, а Берта за такое будет ворчать до самого следующего полнолуния».

Она хрипло, с трудом рассмеялась, и этот звук, такой живой и знакомый, отозвался в груди тёплой волной. «Да... она устроит нам такую головомойку, что мы пожалеем, — слабо кивнула она, пытаясь приподняться. — Поэтому веди. Я сама, наверное, трёх шагов не сделаю.»

В ванной комнате, освещённой лишь мягким светом магических шаров, мы действовали как два уставших автомата. Не было места стеснению — мы видели друг друга насквозь и раньше. Не было и страсти — её вытеснила всепоглощающая физическая и эмоциональная истощённость. Я помог ей снять испачканное, истлевшее по краям платье, затем разделся сам. Вода была тёплой, почти горячей. Мы стояли под струями, просто позволяя ей смывать с кожи пепел, пот и напряжение дня, не говоря ни слова, лишь изредка обмениваясь усталыми, понижающими взглядами.

И вот, наконец, чистая прохладная простыня, знакомый запах нашего белья, настоянный на травах, которые любила Берта. Я уложил её, а сам прилёг рядом, повернувшись на бок. И тогда, уже в полной темноте, я притянул её к себе, обвив руками, и уткнулся лицом в её мокрые, пахнущие теперь только собой и мылом волосы. Я вдыхал этот запах, глубоко, с жадностью, заполняя им каждую клетку лёгких, будто пытался надышаться на все потерянные годы. Это был запах дома, запах жизни, запах возвращения.

Элион уже спала, её дыхание стало ровным и глубоким. Я лежал, слушая этот звук, чувствуя, как её грудная клетка ритмично поднимается и опускается под моей рукой. Тяжесть дня, горечь прощания, ужас на арене, щемящая радость — всё это смешалось в один густой, тёплый ком, который медленно таял под тихим звуком её дыхания. Сопrotивляться было бесполезно. Сознание поплыло, границы тела растворились, и я погрузился в сон — первый по-настоящему глубокий и спокойный сон за бесконечно долгое время, держа в объятиях своё самое большое чудо и самую страшную потерю, которая наконец-то перестала быть потерей.

Элион

Я проснулась от тишины. Не той, что давит, а мягкой, наполненной ровным дыханием рядом. Утренний свет, приглушённый тяжёлыми шторами, золотистой пылью лежал на контурах комнаты. Я медленно повернула голову.

Рядом спал Хорус. Его лицо, обычно собранное и напряжённое в бодрствовании, было расслабленным. Тень от длинных ресниц лежала на щеках, губы слегка приоткрыты. Одна его рука всё ещё лежала на моей талии, весомая и тёплая. Я задержала дыхание, боясь спугнуть этот хрупкий мираж.

Потом, с почти болезненной аккуратностью, я начала выскользать из его объятий. Замирала, когда он вздыхал во сне, отодвигалась на сантиметр, потом на другой. Наконец, освободившись, я застыла на краю кровати, оглядывая его ещё раз. Он потянулся на моё место, как будто ища тепло, и сонно уткнулся лицом в подушку. Улыбка сама собой тронула мои губы.

Я на цыпочках собрала свою разбросанную одежду, натянула её и, бросив последний взгляд на спящего, бесшумно выскользнула из комнаты.

Зайдя на кухню, я замерла в дверях. Берта, наша вечная, невозмутимая Берта, стояла у плиты, что-то энергично помешивая в огромной кастрюле. Воздух пах кофе, корицей и жареным беконом — запах утра и дома.

— Ты как всегда вся в делах? — улыбнулась я, нарушая её сосредоточенность.

Она резко обернулась, и на её круглом лице сначала мелькнуло удивление, а затем — такая радость, что глаза заблестели.

— Моя красавица! Я слышала! Я слышала, что ты вернулась! — Она бросила ложку и, вытирая руки о фартук, бросилась обнимать меня так крепко, что захрустели кости. — О, господи, наконец-то. Может, и Хорус теперь перестанет ходить, как гроза ходячая.

Мы уселись прямо на кухне, за большим дубовым столом, заваленным овощами. Говорили обо всём и ни о чём: о замковых сплетнях, о её правнуках, о том, как изменился сад. Мы так заговорились, что я и не заметила, как пролетело время, забыв обо всём на свете.

— Берта, а что, сегодня завтрак сам себя не приготовит? — из столовой донёсся звонкий, нетерпеливый женский голос.

Берта встрепенулась, как куропатка.

— Ох, Элион, мы с тобой совсем забеседовались! — засуетилась она.

Я отпила последний глоток кофе и со вздохом поднялась. Войдя в столовую, я увидела её. Розалин. Она стояла у накрытого стола, отодвигая стул с лёгкой, почти хозяйственной неприуждённостью.

— Доброе утро, — начала она, и её улыбка была такой же гладкой и холодной, как лезвие.

— Доброе, — мой голос прозвучал ровно, без эмоций. — Хорус ещё спит. Если вы по рабочим делам, советую заглянуть попозже.

— А если не по рабочим? — она склонила голову набок, и в её глазах вспыхнул ехидный огонёк.

Лёд, с которым я себя обложила, дал трещину. Голос стал ниже.

— Тогда, боюсь, вам здесь больше нечего делать.

Она сделала шаг навстречу, наклонилась так близко, что я почувствовала запах её духов — цветочных и назойливых.

— Если только он сам мне об этом не скажет, — прошептала она, и её губы растянулись в победной улыбке. — Твоё время ушло, милая. Это уже не твой Хорус.

Внутри что-то громко щёлкнуло. Я не сдержала вспышку. По краям моего зрения заплесало синее пламя, крылья за спиной на мгновение вспыхнули жарким, беззвучным огнём.

— Ты меня плохо знаешь, — я произнесла это тихо, но так, что каждое слово прозвучало, как обет. Развернулась, чтобы уйти — и застыла.

В проёме двери, ведущей в холл, стоял Хорус. Он был уже одет, его волосы слегка взъерошены, а лицо — непроницаемая маска. Он смотрел на нас. Как долго он стоял там?

Наши взгляды встретились на долю секунды. Во мне всё оборвалось. Я не стала ждать, не стала что-то объяснять. Прошла мимо него так близко, что почти коснулась плечом, и бросила сквозь сжатые зубы, обращаясь в пустоту:

— Приятного аппетита.

Розалин, как ни в чём не бывало, грациозно опустилась на стул, на который уже спешила служанка с блюдом.

— Доброе утро, милый, — её голос зазвенел сладкой, почти домашней ноткой, когда её взгляд упал на Хоруса.

Я не оборачивалась. Я просто шла, чувствуя, как по спине медленно стекает холодный пот, а внутри пылает ледяное, ясное пламя гнева.

Хорус

Тот миг, когда мой взгляд скользнул от Элион у высокого витража к Розалин у стола с утренним кофе, навсегда врезался в память. Между ними не было ни слова, ни жеста — только пространство, наполненное таким электрическим напряжением, что воздух, казалось, гудел от невысказанных претензий и ледяных предостережений. Казалось, стоит мне произнести хоть одно неверное слово, как эта тонкая пленка светского приличия лопнет, выпустив наружу ураган магии и женской ярости, в эпицентр которого я не решился бы войти даже в полной боевой готовности. С облегчением, от которого похолодели ладони, я отметил про себя — пронесло.

Но вопрос висел в воздухе, тяжелее свинца: как теперь существовать в одном пространстве с ними обеими? Элион снова отступила за неприступные стены, превратившись в ту самую Снежную Королеву, чей взгляд замораживал душу. Этот ледяной панцирь угрожал раздавить наш едва окрепший, хрупкий мир, который мы только начали выстраивать. С Розалин тоже надо было говорить — и немедленно. Видимо, она все еще не осознала до конца новые правила игры и считала, что может вести себя как раньше. Это пахло катастрофой. Ее нужно было остановить, четко расставив границы.

Я подошел к ее столу и сел напротив, отбросив все колебания. Мой голос прозвучал тихо, но в нем не было места для обсуждения — только констатация.

«Розалин, у тебя нет права приходить сюда и провоцировать Элион. Я такого не потерплю, и это станет концом любому взаимопониманию между нами. С этого момента ты приходишь в мой дом только по неотложным рабочим вопросам. А в идеале — мы будем встречаться на нейтральной территории.»

Она медленно отпила из фарфоровой чашки, затем подняла на меня взгляд. И это была не та женщина, что плакала у меня в кабинете. Передо мной сидела другая Розалин — холодная, собранная, с острым и насмешливым блеском в глазах, который я видел у нее лишь в переговорах с самыми коварными контрагентами. Ее губы растянулись в улыбке, лишенной всякого тепла.

«Все понятно, Хорус. Границы обозначены, — произнесла она с деловой четкостью. — Кстати, о работе. У нас же есть совместный проект. Нексус. Я считаю, привлекать к нему посторонних на данном этапе — крайне неразумно. И сегодня, кстати, самое время возобновить работы.»

Ее тон, этот намек на «посторонних», будто шелчок по носу, задел меня за живое. Я откинулся на спинку стула, изучая ее новую, стальную маску.

«Ты, я смотрю, сегодня храбрости не занимать», — сказал я, и мой голос тоже потерял мягкость. — Но решать, кого вовлекать в проект, буду я. Тебя убирать я не собираюсь — твои знания незаменимы. Но если сочту необходимым пригласить для консультации Элион, я это сделаю. И, скорее всего, так и поступлю.»

Эффект был мгновенным. Она не дернулась, не вскрикнула. Но я увидел, как до костей побелели ее пальцы, сжавшиеся вокруг ручки чашки. По тонкой фаянсовой поверхности пробежала паутина едва заметных трещин. Да, удар пришелся точно в цель. Она сама начала эту игру, и теперь получила ответ. Молча, с ледяным достоинством, она встала, поправила складки платья.

«Спасибо за завтрак, Берта, — бросила она через плечо нашей эльфийке-распорядительнице, и ее голос прозвучал удивительно ровно. — До встречи на объекте, Хорус.»

И вышла, не оглядываясь, оставив после себя звенящую тишину и запах горького миндаля от разлитого эликсира. Берта, застывшая у серванта с подносом, посмотрела на меня. В ее мудрых, выдавших виды глазах не было осуждения — лишь глубокая, бездонная жалость и усталое предвидение новых бурь. «Ну что ж, началось», — словно говорил ее взгляд. Я кивнул ей, пытаясь изобразить нечто вроде уверенной улыбки. Получилось жалко и натянуто.

Проект. Мысль о «Нексусе» вернулась, как суровая необходимость. Это была не просто стройка. Это — попытка переписать правила мироздания. Старые телепортационные арки, требовавшие ритуальных залов и парных якорей, были подобны динозаврам в эпоху скоростных дирижаблей. «Нексус» задумывался как живая, дышащая сеть — нейронная система для всех миров.

Представьте: возможность отправить мысль, артефакт или самого себя из глубин Ада в самую дальнюю библиотеку Рая или на затерянную заставу в мире людей за долю секунды. Розалин была архитектором этого чуда. Ее ум, ее кропотливые расчеты, ее понимание тончайших магических резонансов были вшиты в каждый узел сети. Вырвать ее сейчас — все равно что вырвать сердце у живого существа. Проект бы рухнул, отбросив нас на годы назад.

С этим тяжким грузом — необходимостью сотрудничать с женщиной, которую только что грубо оттолкнул, ради дела вселенского масштаба — я поднялся по лестнице в наши покои. Впереди был еще один разговор, возможно, самый трудный — с Элион. Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Облегчения не предвиделось. Только новые баталии на минном поле, что звалось моей жизнью.

Элион

Наша спальня. Это было место, где сталкивались и сплетались два мира. Не было здесь ажурной нежности или демонстративного мрака. Основа — мощные каменные стены древнего замка, но их суровость смягчали вещи, поселившиеся здесь вместе с нами.

Над массивной кроватью из черного дуба, способной выдержать вес крыльев и буйство страстей, висел гобелен. Не с адскими пейзажами, а с вытканной картой звёздного неба над моим первым, потерянным Раем — его подарил мне Хорус в первую годовщину. Рядом, на стене у его стороны, висели два перекрещенных клинка в простых, но безупречных ножнах — его личная реликвия. На моём прикроватном столике из слоновой кости стоял кристалл, вечно

мерцавший мягким синим светом (мой ночник) и лежала старая, потрепанная книга земных сказок, которую я читала детям.

Возле огромного окна, выходявшего на бурлящую геенну, стоял мой «угол»: глубокое кресло с высоко поднятой спинкой, чтобы удобно было сидеть с крыльями, и маленький столик, где до сих пор лежал засохший букет полевых цветов, собранных на Земле сто лет назад. На его столе у другой стены царил строгий порядок: стопки пергаментов, чернильница из обсидиана и странный механический прибор с шестерёнками, подарок от гномов, чье назначение я так и не поняла.

Всё здесь было знакомым до боли: запах старого камня, воска, его кожи и лёгкий, едва уловимый аромат лаванды, который я любила добавлять в воду для умывания. Это было не просто помещение. Это была летопись «нас», высеченная в камне и разбросанная в мелочах. Каждый предмет здесь помнил наши ссоры, наш смех, наши тихие разговоры в предрассветные часы.

Переодевшись в лёгкую, облегающую кожаную броню, я затягивала ремни с привычной, почти механической точностью. В голове гудело от утренней сцены. Мне нужно было движение, нужно было сжечь эту гложущую досаду в физическом усилии. Я мысленно связалась с Катариной: *«Арена. Сейчас. Мне нужно бить что-нибудь» *. Ответ пришёл мгновенно и с готовностью: *«Уже лечу. Не разнеси пол арены без меня» *.

Собравшись, я направилась к огромному арочному окну, уже чувствуя, как мышцы спины напрягаются, готовясь к толчку, как синее пламя на крыльях зашевелилось в предвкушении полёта.

И тут его рука обхватила моё запястье. Сильно, но не грубо. Тепло его пальцев обожгло кожу сквозь тонкую кожу перчатки.

Я не обернулась. Замерла на месте, взгляд упёрся в багровый горизонт Ада.

— Мне казалось, у вас там важные дела, — мой голос прозвучал ровно и холодно, как лезвие, опущенное в снег.

Внутри же kloкотала та самая, глупая и едкая обида. Не на него. На ту... на ту *её*. За то, как она осмелилась назвать его «милым» в *моём* присутствии. В нашем доме. За эту слащавую, собственническую интонацию, которую она вплела в два простых слова. За то, что он позволил этому прозвучать. И теперь это «милый» звучало у меня в голове навязчиво и противно, отравляя всё, даже память о его прикосновениях этой ночью.

Хорус

Дверь в наши покои открылась с тихим скрипом, и я увидел её — Элион стояла у огромного, распахнутого настежь окна. Вечерний ветер с багровых равнин Ада трепал её пепельные волосы, словно приглашая в полёт. Её поза, прямая и собранная, говорила об одном: она уже мысленно покинула эти стены. Я успел сделать лишь один стремительный шаг, прежде чем она собралась оттолкнуться от подоконника.

Моя рука схватила её за запястье. И в тот же миг я ощутил всю мощь, что таилась в её, казалось бы, хрупком теле. Удержать её было как попытаться остановить низвергающуюся лавину одной лишь силой воли. Мускулы на её руке напряглись, словно стальные тросы, и я почувствовал, как сквозь ладонь передаётся не просто физическая сила, а сокрушительная, первозданная энергия феникса, та самая, что могла пережить смерть и возродиться из пепла. Она не ослабла — она стала только могущественнее.

«Постой!» — вырвалось у меня, больше рывком, чем словом. Я не отпускал её, уверившись ногами в каменный пол, чувствуя, как подошвы сапог слегка скользят.

«Я только что всё объяснил ей, — начал я, переводя дух, слова вылетали сбивчиво и быстро, как будто я боялся, что она исчезнет, не дослушав. — В самой жёсткой форме. Уверен, она больше не посмеет тебя провоцировать. И меня тоже. В наш дом она больше не придёт, это я ей чётко поставил условие.»

Я сделал паузу, всё ещё удерживая её руку, но уже не с силой, а скорее с мольбой, стараясь, чтобы в моём голосе звучала не оправдывающаяся слабость, а твёрдая уверенность.

«У нас действительно есть совместный проект. Глобальный. И я планирую подключить к нему тебя, как только ты... освоишься в новых реалиях, почувствуешь свои силы. Твоя помощь там будет бесценна, поверь.»

Тут голос мой дрогнул, прорвалась та самая, kloкочущая внутри вина.

«Прости... прости, что допустил такое. Я думал, что после нашего разговора она всё поняла с первого раза. Очевидно, я ошибался в её... упрямстве.»

Я наконец осмелился поднять взгляд и встретиться с её глазами. В них не было прежней ледяной царственности. Теперь в её бездонных, знакомых до боли глазах бушевало иное море — в нём плескалась едкая, жгучая обида, клубился холодный гнев, и где-то в самой глубине мерцала рана, которую я нанёс своим невольным допущением. Этот взгляд резанул меня острее любого клинка.

«Что мне сделать? — спросил я, и мой шёпот был почти неслышен над завыванием ветра в окне. — Скажи. Что я могу сделать, чтобы ты меня простила?»

Элион

Я видела его безысходность. Она читалась в каждой напряжённой мышце его лица, в том, как он сжимал моё запястье — не для контроля, а словно пытаясь удержать что-то ускользающее, в тени под его глазами, которые стали глубже за эти сто лет. Он переживал. Не за себя, а за *нас*. За эту хрупкую, едва восстановленную нить между нами, которую утренняя сцена едва не порвала.

Тишина, что повисла после моих холодных слов, длилась вечность. Она гудела в ушах, наполненная всем невысказанным. И ответить словами было невозможно. Слова сейчас были бы ложью, уколом или оправданием. А мне не хотелось ни того, ни другого, ни третьего.

Вместо ответа я спустилась с подоконника. Мои шаги по холодному камню были беззвучны. Я подошла к нему так близко, что наши тела почти соприкасались, и подняла руки. Ладони легли на его щёки, на эту знакомую, шероховатую кожу, нащупав напряжённые скулы. Я вгляделась в его глаза — в эти тёмные, бездонные колодца, где бушевала целая буря, — и потянула его лицо к своему.

Поцелуй не был нежным. Он был жарким, стремительным, почти отчаянным. Это было не просьбой, а утверждением. Моим ответом на всё. Я вложила в него всю свою сдерживаемую ярость, всю боль разлуки, всю дикую, животную радость возвращения и собственнический огонь, который зажгло в моей груди утреннее «милый». Мое дыхание сперва перехватило, а потом оно стало тяжелым и прерывистым, горячим паром, смешивающимся с его дыханием. Внутри всё сжалось, а потом распахнулось жгучим, пульсирующим желанием. Это была не просто страсть. Это было голодное, тысячелетнее требование плоти и души — подтвердить, что он здесь, что он мой, что между нами нет места для призраков или живых, наглых девчонок. Волна жара прокатилась от губ по всему телу, заставляя кожу под бронёй гореть, а сердце биться в диком, первобытном ритме.

Я оторвалась всего на секунду, всего на один короткий, пьянящий вдох, не отводя рук от его лица. Мои глаза искали в его взгляде ответ — не сомнение, не сожаление, а ту же самую, неконтролируемую нужду.

И он ответил.

Ответил не словами. Его руки — сильные, уверенные — схватили меня за бёдра и в один миг подняли в воздух. Я инстинктивно обвила его ногами, а он притянул меня к себе в новый поцелуй. На этот раз в нём не было моей отчаянной дерзости. В нём была вся мощь и нетерпение, копившиеся веками. Это был поцелуй-захват, поцелуй-заявление. Он нёс меня, не разрывая губ, через комнату.

Секунда — и моя спина коснулась прохладных шёлковых простыней нашей кровати. Его вес, желанный и властный, накрыл меня. Броня стала внезапно невыносимой преградой. Руки — его и мои — торопились с ремнями и застёжками, движение сливалось в едином порыве. Кожа касалась кожи, и каждый такой контакт был как удар молнии — ослепительный и очищающий. Я впивалась пальцами в его спину, чувствуя под ними мощные мышцы и шрамы, которые помнила наизусть. Мои крылья, не сдерживаемые более, расправились с тихим шелестом, окутав нас синим сиянием, его чёрные крылья ответили им, создав над нами тёмный, интимный шатёр.

Не было нежности. Была яростная, всепоглощающая встреча двух стихий, слишком долго разлучённых. Каждое прикосновение, каждый вздох, каждое движение было знаком, молитвой и битвой одновременно. Я тонула в нём, в этом знакомом и новом ритме, отдаваясь волне ощущений, что смывала всю боль, все сомнения, весь холод мира за пределами этой кровати. Это было не просто соитие. Это было возрождение *нас* — на языке, который не нуждался в словах, на языке плоти, огня и абсолютной, безоговорочной принадлежности.

Хорус

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, тревожным стуком в висках. Я боялся. Боялся, что она сейчас сорвется с этого подоконника и исчезнет в багровых сумерках

Ада. А найти её... Зная Элион, она могла намеренно забраться в самую гибельную дыру или просто замкнуться в себе, отрезав все связи. Мысль о новой разлуке, пусть даже на день, была невыносима.

Но она поступила иначе. Её взгляд, ещё секунду назад полный бури, сменился на что-то глубокое, выжидающее. Она не улетела. Она спрыгнула с каменного откоса, и её босые ступни бесшумно коснулись пола. Этот простой жест разрядил напряжение, как громоотвод. Вместо бегства — вызов. Вместо слова — действие.

И вот мы на кровати. Ткань моей рубашки и тонкий лён её тренировочного костюма — жалкие преграды. Между нами лежала её боевая кираса, холодная и твёрдая, последний бастион. Я смотрел в её глаза, и в них не осталось ни льда, ни гнева. Они пылали. Пылали той самой страстью, что копилась, тлела и выжигала нас обоих все эти долгие, пустые годы. В них читалось нетерпение, голод и та дикая, животная радость узнавания.

«Не забыла ещё, как это делается?» — прошептал я, и голос мой звучал хрипло от нахлынувших чувств.

Ответом был её вздох, когда мои губы прикоснулись к чувствительной коже у основания шеи. Знакомое место. Она вздрогнула, и её дыхание участилось, стало неровным, прерывистым.

«Вот сейчас и проверим, кто что помнит,» — выдохнула она в ответ, и в её голосе звенел тот самый, задорный вызов, который сводил меня с ума раньше.

Боги, она настоящая. Это не сон, не морок. Она здесь, она дышит, она отвечает мне, — пронеслось в голове вихрем, пока мои пальцы, будто обладая собственной памятью, нащупывали и расстегивали хитрые застёжки на её доспехах. Каждый щелчок отдавался в тишине комнаты громче любого заклинания. Кираса отпала, потом наплечники. Под ними оказался простой, плотно облегающий тренировочный костюм из темной ткани, который не скрывал, а подчеркивал каждую линию её тела — упругие бедра, тонкую талию, изгиб спины. Она не была хрупкой. Она была сильной, новой, и от этого желание обладать ею вспыхнуло с новой, неистовой силой.

Дальше был хаос. Нетерпение, копившееся столетие, не оставило места церемониям. Мы срывали с друг друга одежду, не прерывая поцелуя — жадного, соленого от слез, которые мы оба не признавали, глубокого. Ткань рвалась под дрожащими пальцами, пуговицы отлетали, куда-то в темноту. Мы помогали и мешали друг другу, смеясь сквозь поцелуи, задыхаясь. И вот, наконец, кожа к коже. Тепло к теплу. Шрамы, которых не было раньше, и старые, знакомые до боли родинки. Наши руки, грубые и нежные одновременно, заново исследовали карту друг друга — каждый изгиб ребер, каждый позвонок, знакомый рельеф мышц на спине. Напряжение нарастало, гудело в крови, становилось нестерпимым. Слова были лишни. Мы знали. Я знал, чего хочет она — не нежности, а огня, ярости, подтверждения жизни в этом соитии. И она, читая меня как открытую книгу, отвечала тем же.

«Жестко,» — было не сказано, а выдохнуто мной в пространство между нашими ртами, и в этом одном слове был весь вопрос и весь ответ.

В ответ её ноги обвили мои бедра, а пальцы впились в плечи, подтверждая согласие. Я перевернул её с легкой, почти грубой силой, поставил на четвереньки. Вид её спины, выгнутой дугой, упругих ягодиц, смутно мерцающих в полумраке, свел с ума. Я встал сзади, чувствуя, как мой член, твердый как сталь, упирается в её плоть. Она была более чем готова. Когда я провел пальцами между её ног, они встретили горячую, обильную влажность. От моего прикосновения она громко, без стеснения застонала, и её спина прогнулась еще сильнее, приглашая, требуя.

Я вошел резко, одним глубоким, властным толчком. Ощущение было ослепительным. Тесно, жарко, невероятно знакомо и в то же время ново — она была другой, и это сводило с ума. Я схватил её за бедра, чувствуя под пальцами напряженные мышцы, и начал двигаться. Ритм был яростным, неистовым, без каких-либо ухищрений — только насущная, животная потребность соединиться, запечатлеть этот миг в самом нутре.

Наше дыхание смешалось — ее прерывистые вздохи, мои хриплые выдохи, звук кожей о кожу наполняли комнату самым древним и честным гимном.

Она здесь. Она со мной. Она жива, — стучало в такт бешеному пульсу. Я приподнял её, изменив угол, одной рукой вцепился в прядь её волос, оттягивая голову назад, обнажая шею для поцелуев, другой сжал её грудь, чувствуя, как сосок твердеет у меня под ладонью. Она помогала, отчаянно двигая бедрами навстречу каждому толчку, её стоны становились все громче, отчаяннее.

Я чувствовал, как волна нарастает у основания позвоночника, готовясь захлестнуть с головой. Не желая заканчивать так скоро, я резко вышел, и горячие струи моей семени брызнули на её взмыленную, трепещущую спину. Мы рухнули на матрас рядом, как подкошенные, грудь вздымалась, выравнивая дыхание.

В тишине, нарушаемой только нашим учащенным сердцебиением, я повернул голову. Нашлись силы улыбнуться.

«Ну что, красавица, — прохрипел я, — не разучились мы с тобой этой шалости?»

Она фыркнула, коротко и счастливо, поворачиваясь ко мне. Её глаза сияли усталым, торжествующим блеском.

«Мне кажется, сноровку все-таки подрастеряли», — сказала она, и её голос был низким, хриплым от страсти. — Нужна практика. Много практики.»

Она приподнялась, наклонилась и крепко, влажно поцеловала меня в губы, а затем, ловко соскочив с кровати, скрылась в проеме двери в ванную.

«Меня ждут на арене, — бросила она уже на бегу. — Не скучай. Как вернусь — продолжим с того же места.»

Дверь в душ закрылась. Я лежал, глядя в потолок, чувствуя на коже её тепло, её запах, соль пота и намек на дым феникса. Усталость накрывала волной, но внутри бушевало ликование. Это было не просто примирение. Это было возвращение. И практику, как она сказала, мы обязательно продолжим.

Элион

Мысленная связь с Катариной гудела, как разъярённый шершень. Она обрывала мои попытки сосредоточиться, сыпала угрозами, что вот-вот ворвётся в спальню и лично вытащит меня за сияющие перья. *Всё, я лечу к тебе! * — отрезала я наконец, вырываясь из объятий Хоруса (он провожал меня долгим, тёмным взглядом) и вылетая в огромное окно спальни.

На арене Катарина уже ждала, расхаживая по песку с видом разгневанной кошки.

— Ну наконец-то, — зашипела она, едва я приземлилась. — Уже думала, ты там навсегда застряла в его... объятиях. Что, принцесса, опоздания вошли в моду? Или забыла, как пользоваться крыльями, пока возрождалась?

Я только фыркнула, сбрасывая плащ. Её шутки были грубы, но беззлобны — способ выпустить пар. Разминка заняла пару минут, а потом всё стало серьёзно.

Наш бой с Катариной был не тренировкой, а катарсисом. Она атаковала яростно и беспощадно, вымещая на мне все накопившиеся за столетия фрустрации, а я отражала её удары, превращая синее пламя в щиты и хлысты. Мы кружили по арене, взвихривая песок, в танце, понятном только нам двоим — тем, кто прошёл через смерть и возвращение.

Идиллию нарушил одинокий, демонстративно громкий звук аплодисментов. Мы замерли, прервавшись на полуслове. На трибуне стояла Розалин.

— Красиво, — крикнула она, и в её голосе звенела едкая сладость. — Но для такой, как ты, можно и сильнее. Или это всё, на что ты теперь способна?

Я медленно опустила руки, чувствуя, как закипает кровь.

— Что ты хочешь? Я не намерена выяснять отношения, потому что их нет и не будет, — мой голос прозвучал ледяным, ровным тоном. Я развернулась к скамейке с флагами.

— Что она себе позволяет, Эл? — прошипела мне Катарина.

Я лишь покачала головой, призывая её к спокойствию.

— Думаешь, если затащила сегодня Хоруса в постель, я отступлю? — Розалин не унималась, её голос лился, как мёд, смешанный с ядом.

Катарина резко дернулась, выпустив короткую, яркую вспышку магии в сторону трибуны. Я успела отразить её в последний миг.

— Элион, я убью её! Сейчас же! — закричала Катарина, пытаясь вырваться.

— Остановись. Она этого только и добивается, — я крепко держала её за плечи, впиваясь пальцами в кожу.

Розалин лишь усмехнулась, видя, что ей удалось кого-то вывести. Она спустилась с трибуны и подошла ближе, нагло нарушая личное пространство.

— Ладно, — прошептала она так, что слышала только я. — Если Хоруса не возьму... значит, возьму Бета. Это даже лучше. Молодой, горячий, податливый...

Последняя фраза взорвалась у меня в ушах, как снаряд. Всё, что было натянуто до предела, лопнуло. Она стояла слишком близко.

Моя реакция была молниеносной. Я резко вытянула руку и со всей силы ударила кулаком ей в переносицу. Раздался отвратительный хруст.

— А-аргх! Чёрт! Ты мне нос сломала! — Розалин взвыла, зажимая лицо руками. Кровь хлынула между её пальцев, заливая рот и подбородок.

— Ты можешь делать что угодно, но не трогай моих детей, — прошипела я сквозь стиснутые зубы.

Я уже развернулась, чтобы уйти, когда кожу обожгла волна чужой, яростной энергии. Инстинктивно я резко обернулась, поставив щит. Атака Розалин — грязный, не сфокусированный сгусток магии — с грохотом разбилась о синее сияние.

— Думала, просто уйдешь? Только не от меня! — выкрикнула она, с трудом артикулируя из-за сломанного носа. Её глаза горели безумием и болью.

Я вздохнула, сказав себе под нос: «Вот же, блять, неугомонная». Она, не сдаваясь, начала набрасывать на меня одну вспышку магии за другой. Я стояла, держа щит, ожидая, когда она выдохнется. Но каждая следующая атака была сильнее предыдущей — отчаянная, питаемая унижением и злобой.

В конце концов мне это надоело. По-настоящему надоело. Я закрыла глаза на долю секунды, нашла внутри то ядро холодного огня и отпустила его.

Моё тело охватило ослепительное синее сияние. Формы поплыли, сжались, и через мгновение на арене уже не было демоницы — там был синий феникс, огромный и величественный, с перьями из живого пламени. Я раскрыла клюв и выпустила не атаку, а *вспышку* — сконцентрированный столб сапфирового огня. Она успела вскинуть щит, пытаясь отразить его, но сила удара была чудовищной.

Щит треснул, а потом разлетелся вдребезги. Пламя обожгло её, сожгло одежду до тления, опалило крылья, оставило ужасные ожоги на руках и ногах. От неё потянуло запахом гари и палёной плоти.

Она рухнула на песок, едва дыша, содрогаясь от шока и боли.

— Это я даже усилий не приложила, — прозвучал мой голос, уже в обычном облике. Я прошла мимо неё, не удостоив взглядом. — Ещё раз заикнёшься о моих детях — выжгу дотла и отправлю туда, откуда я сама пришла. В небытие.

После такой «тренировки» от меня несло, как от палёной птицы. Всё, чего я хотела, — это душ и тишина.

Розалин сразу же связалась с Хорусом:

*Хорус! Твоя пернатая психопатка совсем с катушек слетела! Помоги мне добраться до

Глава 6. Разлом

Хорус

День начался с редкого, почти забытого чувства — глубокого, спокойного благополучия. Я был в наших покоях, и никуда не торопился. Солнце Ада (или то, что его заменяло) лилось сквозь витраж, разбрасывая по полу кровавые блики. Работать не хотелось абсолютно. Мир, что рушился и складывался заново последние дни, наконец позволил мне просто быть. Я собирался посвятить это утро себе — может, перечитать старые свитки, может, просто смотреть в окно и наслаждаться тишиной, в которой не было пустоты, потому что она была где-то рядом.

Этот покой длился недолго.

Сначала в уме, как ледяная игла, пронзила мысленная связь с Розалин. Не слова, а всплеск чистой, невыносимой агонии — обжигающая боль, паника, чувство пожирающего кожу пламени. Я вскочил на ноги, сердце ушло в пятки. И в тот же миг в окно, с грохотом разбив верхнюю перекладину, влетела Элион. Она рухнула на пол, откатилась и встала на колени, отряхиваясь. От неё валил густой, едкий дым, одежда была обуглена по краям, а лицо и руки покрыты слоем сажи и пепла. Она кашляла, но в её глазах не было боли — лишь дикое, торжествующее возмущение.

Я сразу всё понял. Арена. Сила феникса. Розалин. Волна ярости и ужаса захлестнула меня, но первым, что прорвалось сквозь ментальный щит, была опять волна боли от Розалин — уже слабеющая, переходящая в шоковое онемение. Приоритеты расставились сами собой.

«Ты не должна была так поступать,» — выпалил я, глядя на Элион. В моём голосе не было вопроса, лишь констатация чудовищного факта. Я не стал ждать ответа, объяснений, оправданий. Рванувшись к окну, я вылетел наружу, даже не оглянувшись, оставив её откашливаться в облаке копоти.

Арена была пустынна и тиха, если не считать шипения остывающего камня в том месте, где песок спекся в чёрное стекло. И в центре этого пятна, на спине, лежала она. Розалин. Её фигура казалась неестественно маленькой и хрупкой. Одежда на ней тлела, волосы обгорели с одной стороны, а кожа... кожа на руках и шее была покрыта страшными, пузырящимися ожогами багрового и чёрного цвета. Она не двигалась. Даже дыхания не было видно. Холодный ужас сжал мне горло.

«Нет, нет, нет...» — бормотал я себе под нос, опускаясь рядом. Осторожно, боясь причинить ещё больше боли, я подхватил её на руки. Она безвольно обвисла, голова запрокинулась. Её вес был ничтожным. Я взмыл в воздух и понёсся к лазарету Академии, прижимая её к груди, чувствуя сквозь ткань жуткое, липкое тепло обожжённой кожи.

Врачи, знакомые с самыми ужасными ранами, встретили меня молча. Они забрали её у меня из рук, уложили на каталку, и сразу же вокруг неё засветились десятки диагностических чар, зашипели мази и эликсиры.

«Уходи — коротко бросил старший, не отрываясь от работы. — Мы справимся. Жизни не угрожает, но кожа... и шок. Уходи. Ты здесь только мешаешь.»

Меня вывели за дверь. Я стоял в пустом коридоре, опершись лбом о холодный камень, и впервые за сегодняшний день осознал всю глубину кошмара. Дежавю. Проклятое, циклическое дежавю. Снова я разрываюсь между ними. Снова сначала Розалин, потом Элион. И с каждым витком этой спирали ситуация становится всё хуже, всё опаснее. Это нужно остановить. Сейчас.

Я вернулся в наши покои, уже не летя, а почти падая от тяжести в душе. Элион уже отмылась. Она лежала на широкой кровати в тонком шелковом халате, полураскрытом, мокрые

волосы были растрепаны. В её позе не было и тени раскаяния или тревоги. Она смотрела в потолок, и на её лице читалось лишь усталое удовлетворение, как у хищника после удачной охоты.

«Зачем? — спросил я, и мой голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Зачем ты это сделала? Ты же понимала, какая у неё конституция. Ты могла её убить. Ты почти её убила, между прочим.»

Она медленно повернула ко мне голову. Её глаза были чистыми, ясными и абсолютно спокойными. Она не стала оправдываться. Вместо этого она пододвинулась ближе, её пальцы, всё ещё пахнувшие дымом и мылом, коснулись моих висков. Лёгкое давление, знакомый ментальный толчок. Я не сопротивлялся.

И хлынули образы. Не как чужое воспоминание, а как прожитый опыт. Я увидел арену с её точки зрения. Услышал голос Розалин, насмешливый и острый. Я почувствовал то, что почувствовала Элион в этот миг — не ревность, а оглушительное, животное оскорбление. Удар по самому святому — по нашей вновь обрётённой связи, по её праву быть здесь. И затем — вспышку белого, всепоглощающего гнева. Не просто магию, а выброс чистой, нефильТРованной силы феникса, которую она ещё не научилась сдерживать. Не намерение убить, но и не желание просто испугать. Это был удар на уничтожение того, что её оскорбило.

Связь оборвалась. Я открыл глаза, чувствуя, как у меня стучит в висках. Я потерял их ладонями, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли.

««Я всё увидел», — сказал я на выдохе, голос сдавленный. — Понимаю... понимаю, почему ты вспыхнула. Её слова... они были за гранью. Она намеренно искала болезненную точку.»

Я поднял на неё взгляд, и теперь в нём была уже не только ярость, но и мольба.

«Но Эл... ты должна научиться сдерживать эту силу. Иначе в следующий раз ты не просто опалишь, а обратишь в пепел. Ты не можешь решать всё огнём феникса. Да, — добавил я твёрже, — она поступила подло. Отвратительно. Её стоило наказать. Но не смертью. Не калёкой. Мы... мы не можем вернуться к временам, где сила решает всё. Мы только что выстроили что-то хрупкое. Не разрушь это.»

Элион

Я слушала Хоруса, кивая головой с видом раскаяния, которое от меня ждали. Но внутри, за каменной маской спокойствия, бушевал ураган. *Вот же сука*, — пронеслось в моих мыслях, острый осколок ярости, направленный не на него, а на ту, что умудрилась влезть между нами даже сейчас. Чувствовала я её присутствие — навязчивое, липкое, как паутина.

И тут в сознании вспыхнула новая связь, тревожная и звонкая.

— *Мама, что ты *натворила*? Я видела Розалин! Что она такого сделала, что ты её так... обожгла? * — голос Биары звучал как смесь ужаса и дикого любопытства.

— *Она провоцировала. И это было ещё просто, предупреждение, что со мной лучше не связываться*, — мысленно парировала я, стараясь, чтобы в мысленном тоне не дрогнула нота сожаления.

Смыв с себя запах дыма, пепла и этой стычки, я вернулась в спальню в лёгкой шёлковой ночнушке. Он уже ждал в постели. Но ждал не так, как раньше. Он сидел, откинувшись на подушки, и был напряжён, как тетива лука. Его взгляд был устремлён куда-то в пространство, потерянный и тяжёлый. Вид его сжал мне сердце.

Ну, ничего, ничего, — думала я, подходя к кровати. — *Он что, думал, попал в сказку? Конечно, ему тяжело, когда его рвут на части. Всё, что ни делается...*

Мысли прервал не мой внутренний голос, а резкий, пронзительный мысленный посыл, который пробился в комнату, как ледяная игла. Это была *её* связь с Хорусом, и я, стоя так близко, уловила её краем сознания.

Хорус, там срочно нужно отправиться на исследование нового аномального портала в нижних пещерах. Я постараюсь подлететь, как только смогу, восстанавливаю ещё кожу... — в её «мысленном» голосе сквозила грубая, показная деловитость, призванная скрыть слабость. — *Не мог бы ты сейчас собраться и отправиться? Я пришлю координаты.*

Я видела, как его лицо изменилось. Напряжение сменилось мгновенной боевой готовностью, тревогой. Он резко откинул одеяло и начал собираться с такой поспешностью, которая говорила не просто о долге, а о чём-то большем. Или о ком-то.

— Куда собрался? — спросила я, нарочито лёгким, почти любопытным тоном, садясь на край кровати. — Что за ночная смена такая срочная?

Он что-то пробормотал про «нестабильный портал» и «потенциальную угрозу», не глядя мне в глаза.

Я подождала паузу, уловив момент, когда он натягивал наручи.

— Надеюсь, ты берёшь меня с собой? — спросила я, и в моём голосе не было ни капли просьбы. Это был мягкий, но не допускающий возражения вопрос. Взгляд, которым я его проводила, говорил яснее слов: *«Куда ты — туда и я. Особенно туда, куда зовёт *она*».*

Хорус

Я закончил затягивать ремни на наручи, услышав за спиной её шаги. В воздухе повисла напряжённая пауза, которую она, словно опытный стратег, выбрала для атаки.

— Надеюсь, ты берёшь меня с собой? — её голос прозвучал рядом, ровно и спокойно, но в нём не было ни тени вопросительной интонации. Это был мягкий, но абсолютно безапелляционный ультиматум. Она не спрашивала. Она констатировала. И её взгляд, когда я обернулся, говорил куда яснее любых слов: «Ты не оставишь меня здесь. Куда ты — туда и я. А уж тем более туда, куда зовёт она».

Внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Только что был миг хрупкого мира, почти счастья. И вот снова — трещина, пропасть. Я понимал её, её ревность, её рану. Но её действия — эта беспощадная ярость феникса — пугали меня до глубины души. А потом пришёл вызов Розалин. И всё личное, все эти запутанные чувства мгновенно отступили перед холодным, профессиональным интересом и долгом. Аномалия на нижних уровнях. Это был не бытовой конфликт, а угроза иного порядка. «Я иду», — отрезал я, и голос прозвучал как приказ самому себе.

Мысли лихорадочно метались. Аномалии — это всегда клубок опасностей и возможностей. Можно наткнуться на портал в неведомое, на источник чистой энергии или на сбежавший древний ужас. Проблем будет не меньше, чем открытий. Пока я хватал сумку с инструментами

и проверял заряд защитных амулетов, Элион, уже одетая в свой простой, но прочный походный костюм, задала тот самый вопрос, что висел в воздухе тяжёлой завесой.

Я взглянул на неё. Отказ был бы катастрофой. Она восприняла бы его как предательство, как выбор в пользу Розалин, и пошла бы сама — назло, с риском для себя и для всех. Наши отношения, эти хрупкие мостки, едва наведённые над пропастью прошлого, не выдержали бы ещё одного удара.

«— Розалин сообщила об аномалии на нижних уровнях», — сказал я, стараясь говорить максимально нейтрально, деловито. — Там творится что-то неладное. Надо проверить. Идём. Твои новые способности... сила феникса может оказаться очень кстати. Твоя помощь понадобится.

Я видел, как при имени «Розалин» её лицо, за мгновение до того непроницаемое, дрогнуло. Лёгкая судорога пробежала по скуле, глаза сузились. Даже простое упоминание было для неё как удар хлыстом. Об этом придётся думать позже, — с тяжестью на душе решил я. Сейчас важнее работа. И я был почти уверен — нет, я должен был верить, — что Элион не станет саботировать миссию. Не ради Розалин, а ради общего дела, ради меня.

Но предупредить саму Розалин было необходимо. Я закрыл глаза на секунду, установив ментальный контакт. Канал был резким, наполненным её болью и подавленной яростью.

«Со мной идёт Элион, — мысленно проговорил я, вкладывая в послание всю твёрдость, на какую был способен. — Никаких намёков, никаких двусмысленностей, никаких провокаций. Одно неверное движение, один колкий комментарий — и ты вылетаешь из проекта. Даже если это означает потерю всех твоих наработок. Ясно?»

Ответ пришёл волной испуганного возмущения, в которой явственно читалась едкая ревность и злость. «Поняла... но мы могли бы справиться и без неё.»

Её глухое сопротивление, эта попытка оспорить моё решение здесь и сейчас, в такой момент, зажгло во мне короткую, яркую вспышку гнева. Я ответил не мыслью, а сокрушительным эмоциональным импульсом, в котором было всё моё раздражение, усталость и непреклонность:

«Я СКАЗАЛ, ЭЛИОН БУДЕТ С НАМИ!»

По каналу прокатилась волна испуга. Она отшатнулась, наконец осознав, что зашла слишком далеко. Её следующий мысленный ответ был тихим, почти шёпотом, в котором сквозь обиду пробивалось вымученное смирение.

«Хорус... прости. Я поняла. Буду только по делу.»

Контакт оборвался. Я открыл глаза, встретившись со взглядом Элион. Она всё видела по моему лицу. Я молча кивнул, проверяя последний клинок. Гроза ненадолго отступила, но тучи сгустились снова. Путь вниз, к аномалии, обещал быть опасным не только из-за того, что мы могли там найти.

Элион

Мы спустились в самое нутро подземелья, где воздух был густым от древней магии и сырости. В центре обширной пещеры, освещая мрак пугающим, неровным светом, пульсировал портал. Он был не просто дырой в пространстве — он был живым, дышащим явлением, края которого мерцали, словно раскалённые угли. Хорус, собранный и молчаливый, осторожно обходил его по периметру, оценивая масштаб, его тень гигантски искажалась на стенах.

Я сосредоточилась, пытаюсь мысленно прощупать барьер, послать за него разведывательный шуп сознания. Но портал отвечал лишь глухим, беззховым гулом — он был закрыт. Чтобы узнать, что внутри, нужно было войти. Физически.

В этот момент в пещеру вошла Розалин. Её походка была чуть скованной — последствия ожогов, — но вид она старалась держать.

— Ну, что тут у нас? — спросила она с подчёркнутой, деловой серьёзностью, игнорируя моё присутствие.

Они заговорили о замерах, стабильности, протоколах. Их голоса стали далёким фоном. Всё моё внимание притягивал портал. Я подошла ближе, чем стоило. Энергия от него вибрировала в костях, настойчивая, зовущая. Моя рука, почти без воли с моей стороны, потянулась вперёд. Кончики пальцев коснулись переливающейся поверхности.

И тут случилось не прикосновение, а *захват*. Не я потрогала портал — он схватил меня. Холодное, неодолимое притяжение, как магнит, вцепилось в мою кисть и рвануло на себя. Мир закружился, цвета и звуки сплющились в невыносимый визг.

— Элион, я думаю, это не лучшая идея трогать... — голос Розалин прозвучал где-то сзади, но было уже поздно.

Пещера, Хорус, её испуганное лицо — всё это исчезло, смявшись в точку света, которая тут же погасла. Я летела, падала, меня выворачивало сквозь слои реальности, пока не выбросило с грохотом на чужую, каменистую землю под странное, двукрылое солнце.

Я едва успела откашляться и подняться на колени, как грохот, от которого задрожала сама планета, заставил меня вжаться в землю. Над равниной, залитой лиловым светом, сошлись в яростной битве два дракона. Один — цвета грозовой тучи, с фиолетовыми, искрящимися чешуйками, изрыгал потоки чернильной энергии. Другой... другой был сделан будто из жидкого лунного серебра. Он был больше, древнее, и каждое его движение было сокрушительной, безмолвной поэзией силы. Его серебряное пламя сталкивалось с фиолетовыми молниями, рождая громовые раскаты.

Я замерла, ослеплённая масштабами этого первобытного противостояния. И в этот миг серебряный гигант, отбросив противника сокрушительным ударом крыла, развернулся. Его древний, полный звёздной мудрости взгляд упал на меня — крошечное, чужеродное пятно на его земле. В его глазах не было злобы. Было... раздражение. Как у человека, заметившего муху в своей чаше с вином.

Он не стал ничего жечь. Он просто резко махнул крылом, создав вакуумный вихрь невероятной силы. Меня, словно пылинку, подхватило этим потоком. Я вскрикнула, инстинктивно вцепившись в то, что было ближе — в выступ одной из его гигантских серебряных чешуй на

боку. Мой капюшон зацепился, и следующее, что я осознала — я лечу сквозь разрывающуюся ткань реальности, вцепившись в спину космического чудовища, а подо мной мелькают невозможные пейзажи и бездны между мирами. Потом — оглушительный удар, свет, и я снова кубарем качусь по холодному камню знакомой пещеры, задыхаясь, с обрывком серебряной чешуи, горячей, как солнце, в бессильно разжатой ладони.

А в пещере, в ту самую секунду, как портал поглотил меня, воцарилась ледяная тишина.

Розалин ахнула, отпрыгнув назад, её лицо исказилось не притворным, а самым настоящим ужасом. — Нет!..

Хорус, издав низкий, звериный рык, бросился вперёд, к тому месту, где я только что стояла. Но портал уже с хлопнул, оставив лишь дрожащий на камне отблеск и пустоту. Он ударил кулаком по тому месту, где была стена энергии, но его рука встретила лишь холодный, непроницаемый камень.

— Элион! — его крик, плотный отчаяния и ярости, отразился от стен. Он обернулся к Розалин, и в его взгляде была такая обвиняющая мощь, что она отшатнулась. — Что ты наделала?! Ты её... Ты спровоцировала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.